

INSPIRIA

ЛОРЕНА ХЬЮС

ИСПАНСКАЯ
ДОЧЬ

Роман

ДЛЯ ПОКЛОННИКОВ
РОМАНА
ДЖОАНН ХАРРИС
«ШОКОЛАД»

INSPIRIA

Novel. Исторические романы Лорены Хьюс

Лорена Хьюс

Испанская дочь

«ЭКСМО»

2022

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

Хьюс Л.

Испанская дочь / Л. Хьюс — «Эксмо», 2022 — (Novel.
Исторические романы Лорены Хьюс)

ISBN 978-5-04-186115-5

Кто не мечтает об огромной вилле в экзотическом Эквадоре? Пусть даже в наследство от отца, которого почти не знаешь. Мария Пурификасьон вместе с мужем Кристобалем решают воспользоваться шансом и отправляются на корабле через весь Атлантический океан в новую жизнь. Однако уже в пути становится понятно, что другие наследники совсем не рады ее появлению. Наемник, посланный убить Пури на борту корабля, случайно смертельно ранит Кристобаля. Девушка решает вычислить, кто желает ей смерти, и приезжает на виллу, притворившись... своим погибшим мужем. Ее ждут темные тайны покойного отца, интриги и соперничество сводных брата и сестер, новые знакомства, а также неожиданно нахлынувшее влечение к загадочному мужчине. И кажется, у каждого на плантации есть мотив убийства... «Увлекательно. Вызывает привыкание, как и вкусный шоколад». Publishers Weekly «Потрясающе элегантный исторический роман». Ms. Magazine «Захватывающая, напряженная семейная сага, наполненная непредсказуемыми сюжетными поворотами». Шанель Клитон автор бестселлера New York Times «Следующий год в Гаване» «Роскошная плантация какао в Эквадоре – место действия этой исторической драмы, наполненной соперничеством братьев и сестер и предательствами. Драматическая семейная сага прекрасно дополнена соблазнительными описаниями приготовления какао, после которых вам точно захочется сладкого». The Washington Post

УДК 821.111-31(73)

ББК 84(7Coe)-44

ISBN 978-5-04-186115-5

© Хьюс Л., 2022

© Эксмо, 2022

Содержание

Глава 1	8
Глава 2	15
Глава 3	21
Глава 4	28
Глава 5	35
Глава 6	38
Глава 7	41
Глава 8	45
Глава 9	48
Глава 10	50
Глава 11	54
Конец ознакомительного фрагмента.	55

Лорена Хьюс

Испанская дочь

Lorena Hughes

THE SPANISH DAUGHTER

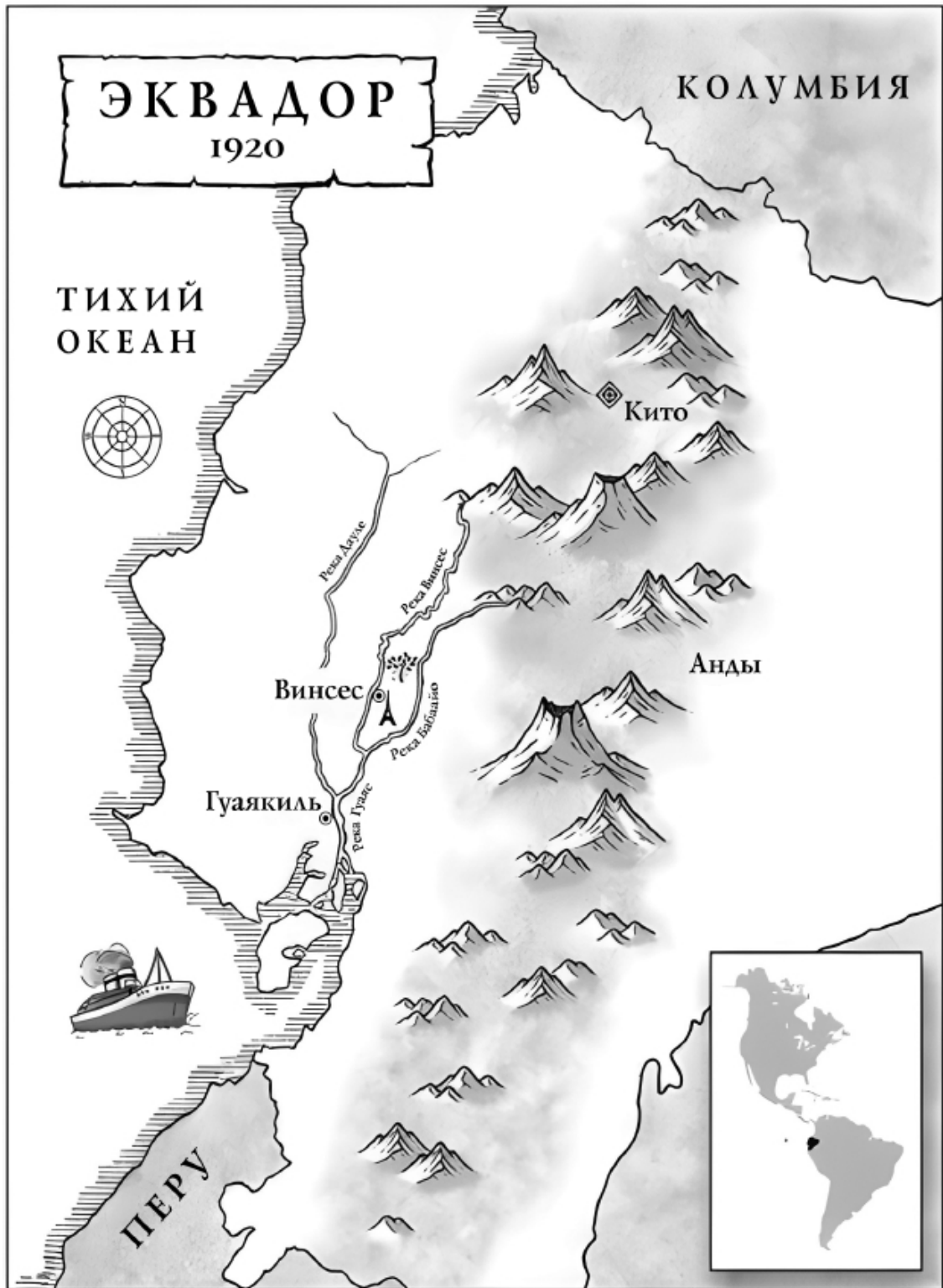
Copyright © 2022 by Lorena Hughes

Cover design © Kensington Publishing Corp.

Cover illustration © Nikki Smith / Arcangel Images

© Флейшман Н., перевод на русский язык, 2023

© Издание на русском языке, оформление. Издательство «Эксмо», 2023

*Посвящается Дэни, Энди и Натали,
моим Peras de Oro*

Глава 1

г. Гуаякиль, Эквадор

Апрель 1920 года

«Меня как пить дать сразу все раскусят с этой маскировкой!»

По лбу скатилась крупная капля пота. Одетая я была совсем не по погоде, притом что на улице парило, точно в турецкой бане, где так любят отдыхать мужчины. Корсет, сплющивавший мою и так скромную грудь, явно шел не на пользу самочувствию. Равно как и мужнин жилет, и пиджак, и его галстук-бабочка. Кожа под накладной бородкой зудела. Мне ужасно хотелось почесать под ней лицо, но от малейшего неосторожного движения она могла просто отвалиться. И что еще хуже – очки на мне постоянно запотевали, отчего все вокруг виделось слегка размытым.

«Как я вообще-то замахнулась такое проверить?»

Когда я дошла до конца пирса, по телу пробежала нервная дрожь.

«Успокойся. Ты справишься».

Я попыталась поглубже вдохнуть ртом, но мои сдавленные корсетом легкие, похоже, не способны были вместить достаточно воздуха. Между тем глотка тут же наполнилась рыбной вонью и тянущимся с парохода едким дымом.

«Это же чистое сумасшествие!»

Перед спуском с причала нас поджидала целая толпа. Отдельные люди держали в руках таблички. Кто-то издали махал рукой моим попутчикам. Я даже представила, как некоторые из них насмешливо тычут в меня пальцем.

«Еще не поздно вернуться на корабль».

Резко развернувшись, я ненароком толкнула в плечо того, кто торопился следом. Из-за шарканья множества ног, гула, выкриков, перебрасывания узлов и сумок я вовремя не заметила энергично проталкивающегося за мной молодого человека. Посторонившись, я его пропустила – и парень тут же со всего маху врезался в пожилую даму, что брела передо мной. Она пронзительно вскрикнула и свалилась на деревянный настил.

– ¡Bruto!¹ – крикнула она ему вслед.

Метнувшись к женщине, я быстро опустила свой багаж и помогла ей подняться на ноги. Ее худенькие костлявые руки казались хрупкими, точно зубочистки.

– С вами все в порядке? – спросила я как можно более низким голосом.

– Кажется, да. – Дама подобрала с пирса шляпку. – Этот человек просто животное какое! Благодарю вас, *caballero*². Есть еще на свете порядочные мужчины.

Ирония ситуации вызвала у меня невольную улыбку, и тем не менее ее слова вселили хрупкую надежду, что моя маскировка все же работает. Я уже хотела спросить женщину, не нужно ли ей позвать врача, когда от толпы встречающих к нам, опираясь на трость, приблизилась старушка – древней, наверное, самого Мафусаила³. В жизни не видела, чтобы на лице у кого-то было столько морщин и старческих пигментных пятен.

– ¡Hija!⁴ – воскликнула она, обращаясь к той самой даме, которой я только что помогла подняться.

– ¡Matá! – отозвалась моя пожилая попутчица, сердечно обняв мать.

¹ Грубиян, дикарь (исп.) (здесь и далее примечания переводчика).

² Господин (исп.).

³ Один из праотцов человечества, *Мафусаил*, согласно Библейскому преданию, прославился своим долголетием, прожив 969 лет.

⁴ Доченька! (исп.)

Женщинам, очевидно, много чего требовалось друг другу сказать, и они двинулись вдвоем дальше, не бросив и взгляда в мою сторону.

Если бы сейчас моя мама была со мной и помогла бы мне пережить все то, что на меня свалилось! Но она покинула наш мир еще три года назад.

А теперь и Кристобаль погиб.

У меня сразу же стеснило горло. Но сейчас-то мне никак нельзя было расклеиться. Ведь я *уже* сюда приехала. И теперь во что бы то ни стало должна была осуществить свой план.

Впереди, за облаком шляп и пальмовыми кронами, возвышалась Мавританская, она же Часовая, башня в желто-белую полоску. Хоть и будучи заметно *уже*, она сразу напомнила мне башню Торре-дель-Оро у меня на родине, в Севилье, – как будто перед моим взором мелькнул кусочек прежней жизни, дабы уверить меня, что в итоге все непременно будет хорошо.

Так, во всяком случае, утверждал мой мозг. Хотя ноги вещали мне совсем иное. Они словно бы налились свинцом. И неудивительно! В любой момент на меня кто-нибудь мог напасть – причем это мог быть кто угодно. И у меня не было возможности узнать заранее, кто это будет и останусь ли я тогда в живых.

«Возьми-ка себя в руки, Пури. Успокойся».

Я внимательно оглядела незнакомые лица вокруг. Поверенный моего отца наверняка находился где-то среди этих людей, но я и понятия не имела, как он выглядит. Я прижала к себе одной рукой печатную машинку мужа, а другой поволокла тяжелый чемодан с двумя ручками.

К счастью, я сумела раздать на корабле все мои платья, благодаря чему вместо трех чемоданов при мне остался только один. Бредя по пристани, я уже наткнулась на несколько своих нарядов, в которые облачились другие пассажирки. Последний из них – облегающее платье-футляр из розовой тафты, которое мне когда-то сшила мама, – только что растворился впереди, точно пена, в море тонких льняных платьев с пышными юбками.

Над головой с резкими криками пронеслась стая чаек. Я прошла мимо ряда каноэ, пришвартованных вдоль пирса, миновала группку женщин, что прикрывались зонтиками от нещадно палящего солнца. Позади них стоял мужчина в темном костюме, сильно выделяющемся среди белых пиджаков и шляп, точно черное семечко в миске риса. В руках у него была табличка с моим именем, выведенным витиеватыми черными буквами:

«*Мария Пурификасьон де Лафон-и-Толедо*»

«Лафон» – от француза-отца, «Толедо» – от матери-испанки.

Я остановилась перед мужчиной с табличкой.

– Чем могу быть полезен, сеньор? – спросил он.

«Сеньор». Еще один знак удачи. Адвокат оказался заметно ниже меня – впрочем, я всегда была чересчур высокой для женщины. Его широкий череп сразу напомнил мне изображения доисторических людей в одной из книг Кристобала по археологии. У незнакомца были густые брови первобытного человека, почти что сросшиеся над переносицей.

Я кашлянула, рассчитывая тем самым сделать голос поглубже.

– Я – Кристобаль де Бальбоа, муж Марии Пурификасьон. – Когда я говорила медленнее, мне удавалось держаться на самом нижнем голосовом регистре.

– Томас Аквилино, к вашим услугам, – учтиво кивнул он в ответ.

Я не ошиблась. Это был тот самый адвокат, что прислал мне письмо, сообщавшее о смерти моего отца. Аквилино с ожиданием взгляделся куда-то мне за спину.

– А где же ваша супруга? Мне показалось, она хотела приехать лично.

В груди у меня кольнуло резкой болью, и тесный корсет на сей раз совсем был ни при чем. Эта боль возникала всякий раз, стоило мне вспомнить, что случилось на корабле с Кристобалем. Я всмотрелась в лицо Аквилино, заметив и морщинки у него на лбу, и упрямые уголки сухих губ, и блеск в его глазах. Насколько ему можно доверять?

Я сделала глубокий шумный вдох.

– К сожалению, моя жена скорострительно скончалась на борту «Анд».

Аквилينو как будто искренне потрясло услышанное.

– ¡Dios mío santísimo!⁵ Что ж такое случилось?

Я немного поколебалась с ответом.

– Подхватила «испанку».

– И что, на корабле не ввели карантин?

– Нет. – Я поставила на землю тяжелый чемодан. – Заболели всего пара-тройка пассажиров. Так что в этом не было необходимости.

Он молча уставился на меня. Понял ли он, что я вру? Я никогда не была человеком лживым и теперь ужасно себя чувствовала оттого, что вынуждена была пойти на обман.

– Какое несчастье, – вымолвил он наконец. – У нас тут ничего об этом не слышали.

Примите мои соболезнования, сеньор.

Я кивнула.

– Вы не поможете мне с чемоданом? – сказала я скорее повелительным тоном, а не прося об услуге. Мужчины не просят – мужчины отдают распоряжения.

Аквилينو ухватил ручку с другого конца чемодана, и вместе мы понесли его на другую сторону улицы. Чемодан был тяжеленным, как дохлый мул, но я не могла допустить, чтобы адвокат заметил, насколько «дон Кристобаль» слаб. К тому времени, как мы дошли до автомобиля, я уже тяжело дышала, а лицо и подмышки были мокрыми от пота. Неудивительно, что мужчины все время потеют!

Наконец Аквилينو опустил свой конец чемодана возле блестящего черного «Форда Model T». У себя в городе я мало знала людей, которые имели машину, а уж тем более – иностранной марки. Я даже представить не могла, чтобы в таком месте, которое Кристобаль обычно называл «землями дикарей», мог оказаться столь современный транспорт. Этот Аквилينو, надо думать, неплохо зарабатывал адвокатскими услугами, или же он был из тех ушлых господ, что умеют находить дополнительные способы сколачивать себе состояние: некоторые особые одолжения там-сям или возможность приложиться к чужому наследству – как своего рода мзда, если угодно. Или, быть может, он просто сам происходил из зажиточной семьи.

Мне всего пару раз в жизни довелось кататься на автомобиле. В родной моей Севилье я повсюду ходила пешком. Однако когда я ездила в Мадрид выяснить насчет просроченного патента на изобретение моей бабушки – ее потрясающую, уникальную обжарочную машину для какао-бобов, – я ездила в таком же точно авто. Разве что у Аквилينو сиденья были мягче. Или, возможно, во мне сейчас сказывалась накопившаяся усталость.

Нажав на рычажок возле руля, Аквилينو решительно сообщил мне, что если у меня нет иных договоренностей, то эту ночь я проведу в его доме. А утром мы немедленно отправимся в Винсес, дабы «ознакомиться с завещанием дона Арманда». Произнося эти слова, адвокат отчего-то избегал глядеть мне в глаза.

Я тут же вспомнила его слова из письма (я столько раз их перечитывала, что запомнила наизусть): *«Как одному из наследников по завещанию, Вам надлежит приехать в Эквадор и принять во владение Вашу долю отцовской собственности или же назначить полномочного представителя, способного продать или передать в дар имущество от Вашего имени».*

Как одному из наследников.

Это заставило меня задуматься. Я никогда не слышала, чтобы у моего отца имелись другие дети. Впрочем, с мужчинами ни в чем нельзя быть уверенной до конца. Меня нисколько не должен был удивить тот факт, что он завел здесь другую семью. В конце концов, мою мать он покинул двадцать пять лет назад, умчавшись навстречу своей мечте о собственной плантации какао в Эквадоре. Он просто неизбежно должен был найти здесь другую женщину, готовую

⁵ Господи наисвятейший! (исп.)

разделить с ним ложе. И случившееся на пароходе не оставляло ни малейших сомнений в том, что кто-то был сильно не рад моему предстоящему приезду. Вопрос только – кто?

По пути Аквилино стал расспрашивать меня о подробностях кончины Марии Пурификасьон, огорченно качая головой и в искреннем разочаровании то и дело прицокивая. Говорить о собственной смерти, слышать, как раз за разом повторяют мое имя как отошедшей в мир иной, – все это представлялось мне чем-то абсурдным. От несправедливости случившегося мне хотелось отчаянно завопить, потребовать объяснений от имени Кристобала. Но вместо этого приходилось стойчески играть взятую на себя роль. Необходимо было, чтобы адвокат поверил, будто я – это мой муж.

Я с любопытством рассматривала виды за окном машины. Гуаякиль оказался совсем не тем захолустным селением, каким я это место представляла, и даже куда современнее многих городков у нас в Андалусии. Мы проехали вдоль реки (Гуаяс, как сообщил мне Аквилино), к живописному жилкому району, протянувшемуся у подножия высокого холма, с колониальными домами, усеянными несметным числом цветочных горшков на балкончиках и у дверей. Адвокат сказал, что называется этот район Лас-Пеньяс, а сам холм – Санта-Ана. Извилистые, мощенные булыжником улочки сразу напомнили мне маленькие городки в окрестностях Севильи. И только сейчас – впервые с того момента, как я покинула родину, я внезапно со всей остротой осознала, что могу никогда больше туда не вернуться. Но еще более разрывала душу мысль, что Кристобаль никогда уже вместе со мной не познакомится с этими новыми краями. Я с горечью поглядела на свою ладонь, словно осиротевшую без тепла его руки.

С острым ощущением урезанности, неполноты...

Вскоре мы припарковались перед светло-голубым особняком с дверью из красного дерева и зашли внутрь. По всей видимости, Аквилино был холостяком – в гостиной у него не было и намека на женское присутствие. Ни цветов, ни фарфоровых безделушек, ни салфеток с вышивкой. Вместо этого на стенах висели старые унылые пейзажи, а всякого входящего встречала скульптура датского дога в натуральную величину.

Стоило нам ступить в гостиную, как в дальней ее стене открылась дверь и появилась девушка с пышными рыжевато-каштановыми кудрями, вытирающая руки о фартук цвета лайма. Платье на ней было настолько свободным, что совершенно скрывало фигуру.

– Ланч накрыт, *patrón*⁶, – сказала она задушевым голосом.

– *Gracias*⁷, Майра, – ответил адвокат.

Стол в обеденной комнате показался мне слишком большим для одного лишь хозяина дома. Я устремила взгляд на ожидающие нас живописные блюда. Девушка, которую адвокат назвал Майрой, приготовила нам жареного морского окуня, рис с кальмаром и жареные ломтики плантанов⁸, которые, как я потом услышала, оба именовали *patacones*.

На прошлой неделе на корабле я редко когда выходила к трапезе: после пережитого на «Андах» кошмара еда мне просто не лезла в горло. Но сегодня я чувствовала себя голодной как волк.

Аквилино жестом пригласил меня сесть и занял место во главе стола, а Майра принялась нам прислуживать. И хотя у меня вызывала немалое любопытство личность адвоката, я ни о чем не стала его расспрашивать. Боялась, что стоит мне заговорить, и он тут же раскроет мой секрет. Потому я старалась быть по возможности немногословной, лишь односложными репликами отзываясь на вопросы служанки и предпочитая, насколько это было уместно,

⁶ Господин, хозяин (*исп.*).

⁷ Спасибо (*исп.*).

⁸ *Плантаны* (или *платано*) – овощные сорта бананов с жестковатой крахмалистой мякотью, которые для употребления в пищу требуют, как правило, термической обработки. Являются основным ингредиентом латино- и южноамериканской, а также африканской кухни.

в ответ кивать и качать головой. Похоже, Аквилино это вполне даже устраивало. Как и мой муж, он был неразговорчив.

А еще у меня в последнее время вошло в привычку часто покашливать, чтобы голос звучал более хрипло.

– Вы хорошо себя чувствуете, мистер Бальбоа?

«Отлично! Адвокат начинает опасаться, что муж погибшей тоже подхватил инфекцию».

– Да, благодарю вас.

Я полностью сосредоточилась на еде. Как ни странно, но решение выдавать себя за мужчину дало мне изрядную свободу, которой я не ведала прежде. Будучи женщиной и владелицей единственного в моем городке шоколадного кафе, я всегда старалась быть во всеобщих глазах неутомимой радушной хозяйкой. Главную свою задачу я видела в том, чтобы мои гости чувствовали себя легко и комфортно. Я примиряла тех, у кого в компании возникали шумные разногласия. Старалась предугадывать желания своих клиентов («Не желаете еще вина?» или «Еще пару ломтиков шоколада?») или разреживать неуютное молчание за чьим-то столиком. Но сегодня я вольна была просто наслаждаться пищей, не оглядываясь поминутно через плечо, дабы убедиться, что никто в зале не тоскует перед пустой тарелкой.

– Погодите, попробуйте еще, как Майра готовит *dulce de higos*⁹, – похвастался в конце обеда адвокат. – Она их собирает на заднем дворе.

Вскоре Майра поставила передо мною вазочку. При виде варенья из инжира с темным густым сиропом рот у меня наполнился слюной. Отдельно на блюдечке был подан ломтик белого сыра.

– А что за сироп? – спросила я, наслаждаясь пряным соусом с ярким привкусом корицы.

– *Panela*¹⁰, – ответила Майра.

Если удастся найти способ соединить этот сироп с шоколадом – то мне не будет равных!

После восхитительного десерта Аквилино препроводил меня в гостиную, усадил на жесткий, обитый бархатом диван и сел напротив. Достав коробку с сигарами, он предложил сперва мне. Я заколебалась. У меня всегда вызывало любопытство это загадочное мужское пристрастие, но сама я была далеко не уверена, что смогу, как полагается, выдохнуть дым. Крестобаль, время от времени куря сигары, умел выпускать в воздух аккуратные синие кружки, что являлось для него предметом величайшей гордости.

При виде моей нерешительности Аквилино недоуменно приподнял свои мохнатые брови. Курение было признаком настоящего мужчины, и я должна была пройти эту проверку. Зажав между пальцами толстую сигару, я в точности как Аквилино округлила вокруг нее губы и прикурила.

От первого же вдоха грудь мне обожгло, точно пламенем. Я зашлась кашлем, ударяя ладонью себя в грудь, чтобы избавить свою плоть от этого ада. Аквилино посмотрел на меня так, как, должно быть, разглядывают необычного насекомого.

– Вы, верно, не курите, мистер Бальбоа?

– Только трубку, – выдохнула я. – К тому же у меня на родине табак намного чище.

Сама я даже не имела представления, что это значит. Я часто слышала, как мужчины рассуждают о качестве того или иного табака да об отсутствии в нем примесей, – но для меня вонял он одинаково отвратно.

Аквилино между тем раскурил свою сигару. Сам он втягивал и выпускал дым без малейших проблем.

⁹ Инжир в сиропе (*исп.*).

¹⁰ *Panela* изготавливается из сока сахарного тростника, который под долгим воздействием температуры превращается в темную густую патоку.

– Я должен задать вам, сэр, один вопрос, – заговорил он скорбно-торжественным голосом, точно священник. – Каковы ваши планы теперь, после того как ваша супруга нас покинула навеки, *que en paz descanse*¹¹.

Тут мне следовало действовать крайне осторожно. Никто здесь не должен был воспринять меня как угрозу.

– Вероятно, вернусь назад в Испанию. Меня не привлекает ни эта страна, ни сам какао-бизнес. Признаться честно, это была давняя мечта моей жены, а вовсе не моя. – Не отпускающее жжение в горле придало моему голосу естественную хрипоту, чем я тут же и воспользовалась. – Должен вас спросить, сеньор Аквилино: имеются ли еще какие-то наследники, помимо моей жены?

– Всего двое. У дона Арманда в Винсесе остались две дочери: Анхелика и Каталина де Лафон.

Две сестры.

Эта новость прозвучала для меня как пощечина. Одно дело – что-либо подозревать, воспринимать как возможность. И совсем другое – получить подтверждение, что у тебя на самом деле есть кровные сестры. Отец предал меня и мою мать. Он вырастил здесь двух дочерей, которых любил, быть может, сильнее, чем меня, в то время как я больше двух десятков лет тщетно ждала его возвращения. Как теперь я поняла, он вовсе не планировал вернуться. Он создал себе новую жизнь без нас, отбросив нас обеих, как прочитанную газету. Какой же дурочкой я была, что так фанатично писала ему письма, что часами сидела в ожидании у окна, что рисовала его портрет! В своей детской наивности я постоянно ждала, что он вот-вот войдет в дверь, с полными руками подарков, а потом возьмет меня с собою в одно из своих новых приключений.

– Анхелика – старшая, – между тем продолжал Аквилино. – На самом деле есть еще и брат. Однако он отказался от своей доли наследства.

Еще и брат. И он *отказался* от состояния?

– Альберто священник. – Аквилино с искренним одобрением поглядел на свою сигару. – Он принял обет бедности.

И к тому же священнослужитель.

Мой отец никогда не был человеком религиозным – во всяком случае, по воспоминаниям матери. Как он мог произвести на свет священника? Лично я всегда испытывала сомнения в вопросах веры – хотя и никогда не высказывала их открыто. И все же насколько правда, что мой брат отказался от отцовских денег? И был ли этот обет принят добровольно или вынужденно?

– А что насчет их матери? Она тоже наследует свою часть?

– Нет, донья Глория Альварес умерла несколько лет назад. Впрочем, детально мы ознакомимся со всем этим завтра.

Оказывается, отец столько всего скрывал от нас. Осознание этого было для меня даже болезненнее, нежели его смерть. Слава богу, моя мать не дожила до того, как вскрылся весь этот обман. Другая женщина, другая семья. И он что, надеялся загладить свою вину тем, что оставит мне некую долю имущества? Какая радость мне от этого, если я никогда по-настоящему не знала его самого? Не знала, как звучит его голос, как пахнет его любимый одеколон, не могла ощутить тепло его объятий.

Внезапный одиночный стук в стекло встревожил нас обоих. Поспешив к окну, мы увидели, как на гальку перед домом упала пестрая птица.

– Ястреб-перепелятник, – произнес Аквилино.

Я хранила молчание, не в силах оторвать взгляд от умирающей птицы.

¹¹ Да упокоится она с миром (*исп.*).

– Бедняга, – вздохнул адвокат, – должно быть, не разглядел стекла. Он и не представлял, на что себя обрекает, когда так сюда мчался.

Глава 2

Двумя неделями ранее

После целой недели пути на борту «Вальбанеры» мы наконец прибыли в Гавану. Это было мое первое впечатление об американском континенте с его колониальным стилем домов, узкими улочками и манящими песчаными пляжами. Впрочем, у нас с мужем не было времени как следует насладиться тамошними видами, поскольку почти сразу же нам предстояло перейти на борт другого судна под названием «Анды» – британского пассажирского лайнера, чуть ли не втрое превышающего размеры «Вальбанеры». Хотя Кристобаль в любом случае не отправился бы со мной осматривать окрестности: всю неделю он просидел безвылазно в каюте, стуча на своей печатной машинке.

У клерка за стойкой регистрации пассажиров была абсолютно лысая голова, сплошь усеянная родинками, отчего она походила на покрывшееся пятнышками манго.

– Как ваше имя, сэр? – осведомился он у моего мужа.

– Кристобаль де Бальбоа. А это моя жена – Мария Пурификасьон де Лафон-и-Толедо.

Пока клерк неторопливо – словно за нами не стояла очередь из десятков пассажиров – вписывал в журнал регистрации наши имена, Кристобаль нетерпеливо барабанил пальцами по стойке. Мой муж категорически не выносил чужой некомпетентности. Эта его черта всегда оставалась для меня загадкой, поскольку во всем прочем у него был очень мягкий, сдержанный нрав и склонность избегать конфликтов. Свою досаду Кристобаль обычно выражал нервными жестами во всем их разнообразии: он то притоптывал ногой, то барабанил пальцами, то чесал в затылке, то ослаблял узел галстука, то кусал ногти. Как будто его тело само стремилось изъяснить то, чего не мог показать голос.

– Пу-ри-фи-ка-сьон, – медленно произнес клерк. – Скажите, имя пишется через «с» или через «s»?

– Через «с», – отрывисто отозвался Кристобаль.

Мой муж практически не замечал многих своих привычек, равно как и того, какое действие сам он оказывает на других людей, особенно на женщин. Он никогда не обращал внимания, как глядят на него наши клиентки, как непроизвольно поправляют волосы, когда он принимает у них заказ или подает чашку с горячим шоколадом. И я прекрасно понимала, что именно их так очаровывало. Кристобалью было уже тридцать четыре года, однако он тщательно следил за своей внешностью и гигиеной. Бородка у него неизменно была коротко подстрижена, галстук расправлен. В большинстве случаев он держался предельно внимательно и любезно, а также проявлял ко всем гостям вежливую бесстрастность, отчего женщины в его присутствии чувствовали себя вполне комфортно. И я не могла отрицать, что считала огромной удачей то, что моя мать не нашла мне вместо него в мужья какого-нибудь престарелого толстяка. У нас с Кристобалем никогда не было проблем в физическом влечении.

Кристобаль со вздохом повернулся ко мне.

У нас была проблема эмоциональной близости.

Пока муж диктовал клерку по буквам мою фамилию, у меня возникло ощущение, будто за мною кто-то следит. Как можно незаметнее я повернула голову, чтобы оглядеться.

На меня пристально смотрел незнакомый мужчина, прислонившийся к толстой колонне. Как только я взглянула на него, он отвел глаза. С его лицом что-то было не так, но что именно – я не смогла толком разглядеть, боясь показаться невоспитанной.

– Вот вам план-график передвижения, – вручил клерк Кристобалью исписанный от руки листок. – Ваша каюта номер 130D.

Не дав ему даже закончить фразу, Кристобаль выхватил из руки клерка ключ.

Опиравшийся на колонну незнакомец тем временем стал прикуривать сигарету и отвлёкся от меня, дав мне тем самым возможность его получше разглядеть.

Пол-лица у него хранило следы ожогов. От брови через всю щеку и до линии подбородка кожа лица была стянутой и в рубцах. Другая половина его лица между тем осталась нетронутой. Если б не ожог, его можно было бы даже назвать привлекательным мужчиной.

На мгновение наши глаза встретились. По спине у меня пробежал холодок, хотя я скорее списала бы это на тоненькую креп-жоржетовую материю, из которой была сшита моя розовая блузка. И все же я не могла отрицать, что в этом человеке таилось что-то настораживающее. Я взяла под руку Кристобалья, сделав вид, будто разглядываю морской пейзаж на стене над головой у незнакомца.

– Готова, Пури? – Кристобаль подхватил кейс с пишущей машинкой.

– *Sí, mi alma*¹².

Мы пошли искать свою каюту, и носильщик багажа двинулся вслед за нами с нашими чемоданами.

В течение двух суток я не видела на корабле того странного незнакомца. На третий же день я едва не наткнулась на него, выйдя из своей каюты. Он поприветствовал меня, коснувшись пальцами шляпы, и прошествовал мимо, ни разу больше не обернувшись. От мужчины исходил какой-то очень знакомый запах, но что это было, я так и не поняла. Я решила было сказать о незнакомце Кристобалью, но к тому времени, как мой муж вышел из каюты и запер дверь, человек уже скрылся за углом.

Когда мы шли на ужин, от одного из корабельных салонов до нас донеслось мелодичное звучание аккордеона и бубна. Через внутреннее окошко я различила там выступление цирка-кабаре.

– Ой, давай тоже туда пойдём! – стала упрашивать я мужа. – У них, наверное, будет фокусник!

– Пури, у меня сейчас серьёзный прорыв в работе. Давай просто поужинаем и вернёмся к себе в каюту.

Но я буквально повисла на его руке:

– Пожалуйста! Ну, хоть один разочек!

И я потащила Кристобалья на его упрямых негнущихся ногах в салон-гостиную.

Труппа состояла из троих мужчин в ярко-красном облачении. Один, щеголяя длинными завитыми усами и цилиндром, разъезжал на одноколесном велосипеде. От холодного воздуха, дующего из открытой двери, чёрный плащ на нём широко развевался. Другой артист – арлекин – ходил между зрителями на ходулях, внушая благоговейный трепет сидевшим там детям, поскольку несколько раз притворялся над ними, будто вот-вот потеряет равновесие и рухнет. У третьего была аккуратная испанская бородка, и он определенно являлся гвоздем программы. В течение последующих пятнадцати минут он глотал ножи и огненные шары, после чего представил зрителям следующую артистку, «Марину Великую» – жилистую женщину с тугой кичкой на затылке, которой предстояло ходить по канату.

Склонившись к моему уху, Кристобаль прошептал:

– Послушай, я что-то уже больше не голоден. Можешь пойти на ужин одна, а когда поешь, вернешься к нам в каюту.

– Но ведь сегодня будут танцы!

Сердито осматривая все вокруг, Кристобаль взял меня за локоть и вывел из салона.

– Я и так уже угробил на это целых двадцать минут!

– Ты двадцать минут *угробил*? Вот, значит, как, по-твоему, называется проводить со мною время?!

¹² Да, душа моя (*исп.*).

– Ты сама же предложила, чтобы во время поездки я писал роман.

– Да, но ты что, только этим и собираешься теперь заниматься, Кристобаль? Денно и ночью писать свой роман? Ты даже ничего почти не ешь, а если и питаешься, то в постоянной спешке. Я, считай, все путешествие предоставлена самой себе.

Он лишь пожал плечами.

– Что же поделать, если на меня снизошло вдохновение!

– Вот только я тебя не вдохновляю. Ты не прикасался ко мне с тех самых пор, как...

Дамочка в норковом манти с любопытством посмотрела на нас.

Кристобаль кашлянул, щеки у него густо зарумянились.

– Не думаю, что это лучшее место для подобных разговоров.

Поблизости прохаживались еще две пары. И мне неважно было, что они услышат. На самом деле может, так оно и лучше. Возможно, их присутствие как раз побудит Кристобалья остаться – по крайней мере, чтобы избежать публичной ссоры. К тому же я так устала постоянно увиливать от некоторых тем, боясь доставить ему неловкость. А еще меня возмущало то, что он никогда даже не заикался о моем последнем выкидыше – уже третьем на данный момент, – как будто бы этого не произошло, как будто бы этого неродившегося дитя вовсе не существовало.

– Я и так уже исполняю твою затею. Разве не так?

Насчет этого было не поспорить. Именно я настояла на том, чтобы мы распродали все, что имелось у нас в Испании, включая и любимую мою «шоколадницу», и чтобы Кристобаль отправился со мною в Эквадор, дабы я могла заявить свои права на наследство – во что бы это в итоге ни вылилось. Я привлекла все имевшиеся в моем арсенале аргументы: и что Европа разорена войной, и что наше заведение стремительно теряет доходы, и – последний мой убедительный довод – что это путешествие явится для него идеальной возможностью написать наконец роман, о котором он грезил чуть ли не всю жизнь.

Но вместо того чтобы на этом успокоиться, я вскинулась еще сильнее:

– Да, но ты ведешь себя так, будто я сделала это лишь ради собственного блага! – Больше я была не в силах контролировать силу своего голоса. – Я это сделала для нас!

– Ну, вот чего бы тебе было не удовольствоваться тем, что у нас было? Зачем тебе потребовалось что-то еще?

– Ты серьезно?! Что, по-твоему, я должна была сделать со своим наследством? Просто его кому-то отдать? Уж прости, что я так забочусь о нашем благополучии! Прости, что хочу, чтобы мы променяли ту убогую квартирку на великолепную плантацию в одной из ведущих стран-экспортеров мира!

– Ой, вот только не начинай опять! Я и так уже слышан об этой плантации. С тех пор как мы получили это чертово письмо, ты больше ни о чем уже и говорить не можешь! Ты совершенно как твой отец – совсем очумела от амбиций!

– Откуда тебе знать? Ты никогда не был знаком с моим отцом. Я сама-то едва его помню.

– Твоя матушка мне это поведала.

О матери мне тоже сейчас не хотелось слышать. В этой поездке я тосковала по ней еще сильнее, вспоминая ее буквально каждый день.

– Послушай, Пури, – сказал Кристобаль, и голос его зазвучал намного тише и теплее. – Я не хочу с тобою ссориться. Тем более здесь. Обещаю, что потом я буду посвободнее и смогу больше проводить с тобою времени. Но сейчас будь, пожалуйста, умницей и позволь мне вернуться к роману.

И он поцеловал меня в лоб, как будто перед ним было четырехлетнее дитя с непрошибаемым упрямством.

Я резко отшатнулась назад:

– Не трогай меня!

Я только что битый час прихорашивалась перед выходом в люди. Я уложила в красивую прическу свои длинные каштановые волосы, овеея лицо нежной рисовой пудрой – моей французской *poudre de riz*, – выбрала лавандового цвета платье с блестками и с декольте, обнажившим всю спину. И что я получила от мужа в ответ?! Отеческий поцелуй?! Если он не устаивает меня вниманием сейчас, когда мне двадцать восемь, то что будет, когда я разменяю тридцать?

– Давай поговорим об этом позже, – пробормотал Кристобаль, поскольку многие уже стали на нас оглядываться, – когда ты успокоишься.

– Нет. Мы поговорим об этом сейчас!

Кристобаль раздраженно вздохнул.

– Ты ведешь себя неразумно, Пури.

Неразумно?! У меня даже слов не нашлось, чтобы ответить. И если бы таковые имелись – я, наверное, сейчас оскорбила бы его. Резко развернувшись, я бросилась из фойе прочь, подальше от этого мужчины, умевшего, как никто на свете, вывести меня из себя.

Я поднялась по лестнице, ведущей на палубу, и, не оглядываясь, устремилась к корме. Мне не хотелось, чтобы Кристобаль видел мои слезы. Я часто дышала, холодный воздух трепал мне щеки. Над головой светился полумесяц. Я вцепилась в перила в самом конце корабля.

Неразумно, видите ли!

Черные волны отчаянно врезались в высокий корпус судна. Море порой бывает таким устрашающим! Мой взгляд невольно приковался к гипнотическому биению волн, и дыхание понемногу умерилось.

Наверное, в этом долгом путешествии я стала излишне упрямой, несговорчивой. Обычно я нетребовательна бывала к Кристобалу. В Севилье у меня было много подруг, с которыми я могла как-то развлечься. И мне не требовалось от мужа постоянного внимания. Однако здесь у меня никого не было. Я уже целую неделю чувствовала себя в одиночестве и к тому же не могла не нервничать из-за той неизвестности, что ждала нас в Эквадоре. И мне необходима была его поддержка, его уверение, что все сложится хорошо.

А вдруг я совершила ошибку, отказавшись от всего, что у нас прежде было, дабы сломя голову погнаться за мечтой... за отцовской мечтой?

Если бы еще мы с Кристобалем не были такими разными! В то время как он способен был весь остаток дней прожить в блаженном погружении в свои книги – я не могла усидеть на месте и пяти минут. В самом начале нашего брака, помнится, для меня невыносимы были эти долгие послеполуденные часы, когда я вышивала крестиком или штопала носки под тиканье ходиков, неспешно отмеряющих это тягучее, нескончаемое время до ужина. Стены нашей квартиры, казалось, действовали удушающе. Самым настоящим для меня спасением явился шоколад. С юных лет меня учила бабушка – в честь которой меня, к слову, и назвали – всему тому, что знала она сама о шоколаде. Начиная с того, как превратить твердые какао-бобы в шелковистую, мягко обволакивающую субстанцию, и заканчивая изучением ингредиентов, смешивая которые можно создавать различные текстуры и вкусы, не только доставляющие наслаждение, но и вызывающие у людей пристрастие.

Именно моей идеей было превратить старую книжную лавку, принадлежавшую еще дедушке и отцу Кристобаля, в шоколадное кафе. Это веяние считалось тогда очень модным, как объяснила я мужу, и могло принести известность нашему кварталу. К тому же за мой горячий шоколад и трюфели люди охотно стали бы платить. В конце концов, «шоколадницы» – *chocolaterías* – в ту пору были повальным увлечением во Франции, а наш народ всегда так стремился к престижу и высокому статусу Франции!

В итоге Кристобаль мне уступил. Но со временем он сделался куда менее снисходительным...

Тут сзади в шею мне дохнуло теплым воздухом.

И внезапно я потеряла возможность дышать.

Я скинула руки к горлу, туда, где что-то невыносимо сдавливало шею, и нащупала виток веревки. У меня не было даже воздуха, чтобы закричать.

– Тш-ш, Мария, – прошептал мне в ухо мужской голос, – скоро все закончится.

Кто это? И откуда ему известно мое первое имя? Мои судорожно мечущиеся ладони наткнулись на два мужских кулака, крепко удерживающих веревку. Руки у мужчины были большие, мозолистые. Гораздо крупнее, чем у Кристобалья.

– Кристобаль, на помощь! – попыталась я закричать, но не смогла толком выдать ни звука.

Я чуть повернула голову к нападшему. Тот самый тип – с рубцами от ожогов.

Боль в шее уже стала нестерпимой. Не хватало воздуха, чтобы дышать.

– А ну?! Что здесь такое происходит?!

Я могла поклясться, что это голос Кристобалья. Но, может, мне уже начало мерещиться желаемое?

Тяжесть противника между тем немного сместилась вбок, и мне удалось подsunуть большие пальцы между веревкой и трахеей. Давление на горло стало чуть меньше, но все же не достаточно, чтобы я могла спокойно дышать.

Кто-то приближался к нам по палубе.

Я резко ткнула мужчине в голень каблуком туфли. Веревка ослабла, и я наконец смогла набрать воздуха. Веревка упала на пол. Согнувшись, тяжело дыша и кашляя, я заметила, как за моей спиной дерутся двое мужчин.

Приглядевшись, я различила мужнин коричневый костюм. Очки у него съехали на самый кончик носа, грозя вот-вот упасть. Изогнув руку, Кристобаль крепко обхватил напавшего за шею, но тот стал отчаянно выворачиваться и брыкаться, пока оба не свалились, сцепившись, на палубу.

Как бы ни хотелось мне помочь Кристобалью, я никак не могла прокашляться и отдышаться.

Человек с ожогами первым поднялся на ноги и вытянул засапожный нож. Кристобаль, тоже встав, застыл, напряженно изогнувшись вперед. Я никогда не видела мужа таким. Я даже не думала, что у него хватит духу с кем-то драться. Он был из той породы людей, которые считают, что не им решать вопрос жизни и смерти даже в отношении насекомого – а уж тем более человека.

Напавший резко метнулся с ножом вперед и, попав Кристобалью в руку, рассек на нем пиджак. Кристобаль зажал ладонью рану, и между пальцами сразу засочилась кровь. С диким воплем он скакнул к незнакомцу и, вцепившись, свалил того на пол. Нож вылетел у злодея из руки, но куда упал, я не разглядела.

С саднящей болью в шее я принялась отчаянно искать нож, но единственное, что мне удалось найти – это очки моего мужа.

Наконец из моего горла смог вырваться хриплый крик:

– Кто-нибудь! Помогите!

Но музыка и смех внутри корабля были настолько громкими, что никто не слышал моей мольбы о помощи. Между тем двое мужчин вновь покатались, тузя друг друга, по палубе. Кристобаль уткнулся спиной в кормовое ограждение.

Я огляделась, ища, чем бы ударить напавшего. Недалеко от нас находилась привязанная веревками спасательная шлюпка. Неверными шагами я прошла к ней и взобралась на перила, чтобы дотянуться до весел. Одолев очередной приступ кашля, я схватила обеими руками весло и соскочила с ним обратно на палубу.

Кристобаль теперь стоял у самого края кормы. Когда я увидела его там, рискующего свалиться в бездонную глубь океана, у меня внутри словно что-то опустилось. Напавший на меня

тип каким-то образом вновь завладел ножом и теперь стоял напротив моего мужа, изготовившись пырнуть его лезвием. Разделял их сейчас один лишь поручень. Кристобаль резко увернулся от кончика клинка, крепко вцепившись в металлическую поперечину.

Я подняла весло, чтобы ударить незнакомца, но он стоял чересчур близко к Кристобалью, а мне не хотелось попасть по мужу.

– Кристобаль! Давай туда! – указала я на проем в ограждении.

Он быстро глянул на проем, однако не успел и сдвинуться к нему, как незнакомец вонзил нож ему в живот.

– Нет!!! – завопила я, что есть мочи приложив этого сукиного сына веслом по голове.

Потеряв сознание, тот перегнулся через перила и головой вниз ухнул в воду. Кристобаль прихватил двумя руками глубоко ушедшую ему в живот рукоять. Глаза у него так расширились, что я едва узнавала это знакомое до каждой черточки лицо, теперь охваченное предсмертной агонией и страхом.

– Кристобаль! – метнулась я к мужу, протягивая руку. Но в этот момент в борт ударила сильная волна, отчего Кристобаль потерял равновесие и опрокинулся в море, вслед за своим убийцей.

Я испустила такой пронзительный и иступленный крик, что мне показалось, в горле у меня порвались голосовые связки. Должно быть, еще очень долгое время я буду не способна разговаривать без боли.

Глава 3

Река Гуаяс

Апрель 1920 года

Наш утренний водный путь в Винсес оставил в моей памяти две вещи. Первое – это настоящая какофония птичьих криков. Птицы суетливо летали над нашими головами, как будто мы вторглись в те земли, где правят исключительно животные, и наше присутствие им пришлось не по душе. А второе – сколь неустойчивым и вертлявым было каноэ, в котором мы ехали вверх по Рио-Гуаяс.

Ни отцовский адвокат, ни юноша, работавший сейчас веслом, естественно, даже не попытались мне помочь, когда мы садились в лодку. За долгие годы я привыкла воспринимать мужскую галантность как должное. Мне никогда и в голову не приходило, насколько я полагаюсь на мужское плечо в самой, казалось бы, обыденной жизни. Как Кристобаль всегда спешил открыть для меня любую дверь, перед которой мне случалось оказаться. Как откупоривал бутылки с вином, как вскрывал консервные банки или приносил дрова для нашего камина.

При одном воспоминании о Кристобале в горле вновь засел тугой комок. Как мне вообще теперь жить дальше, если абсолютно все напоминает мне о нем? Я опустила голову, чтобы спрятать навернувшиеся слезы.

Я тосковала по обществу Кристобаля, по его неустанному стремлению мне угодить, по его сочувственному вниманию (когда он готов был меня слушать). Удивительно, насколько самодостаточными казались мне сейчас мужчины. Это было и преимущество их, и недостаток.

В моем случае это было явным недостатком, поскольку оба мои спутника глядели на меня как на неполноценную мужскую особь, когда, ступая в лодку, я заносила свой багаж и в то же время корчилась, пытаясь удержать равновесие.

Козырьком приложив ладонь ко лбу, Аквилино поглядел на пролетающую стаю чаек. Он сидел напротив меня, неуклюже скрестив длинные ноги, и деловито каждые две-три минуты скидывал худощавую руку, отмахиваясь от комаров.

Парнишка, что взялся доставить нас в Винсес, едва ли был старше семнадцати. Переправляя мой чемодан в заднюю часть каноэ, он представился как Пако. Видимо, мне следовало проявить к нему благодарность за помощь, хотя я и чувствовала, что сделал он это скорее для собственного удобства, нежели моего. На юноше была белая, пропитавшаяся потом рубашка. Я удивилась, зачем он вообще ее надел – ведь ткань, намочнув, сделалась почти прозрачной. Пока парень энергично греб веслом, под мышками у него выросли два мокрых пятна – темные и круглые, как блины. Кожа лица у него была желтушно-бледная, а короткие выющиеся волосы покрывали голову, как мох.

– Сейчас поднимемся по реке, – сказал Аквилино, указывая рукой на север. – Именно там все плантации какао и находятся. Наш сорт какао мы называем «Арриба»¹³ – из-за такого расположения плантаций относительно реки.

Об этом факте отец упоминал матери в письмах, которые он писал ей, когда только сюда приехал. Впрочем, это было еще тогда, когда она вообще читала от него письма. Через несколько лет мама перестала их даже вскрывать и просто кидала в плетеную корзинку, где они и лежали потом до пожелтения. Я смогла их прочитать только тогда, когда матери не стало, хотя все прошедшие годы сгорала от желания их вскрыть.

– Наши какао-бобы – одни из лучших в мире, – как бы между прочим похвалился Аквилино.

¹³ Вверх, сверху (*исп.*).

– Да, это я слышал. – Мне уже стало привычнее говорить более низким тоном. Мой голос и так никогда не был высоким, как у большинства женщин. К примеру, помощница моя по «шоколаднице», ла Кордобеза, ни за что не смогла бы повернуть такую авантюру, потому что у нее уж очень был визгливый голосок.

Пако больше не обращал на меня внимания, и это явственно говорило о том, что моя маскировка работает. Еще больше я в этом убедилась, когда он стал энергично чесать себя в паху.

Из того, что объяснили мне оба моих спутника, я поняла, что нам предстоит пробираться из реки в реку, пока не доплывем до Рио-Винсес. Река Гуаяс, как мне сообщили, являлась самой длинной из них. Коричневая и полноводная, она была окаймлена буйной растительностью. Мне отчего-то вспомнились желтые равнины и оливковые деревья в родной Андалусии. Какими же разными были эти пейзажи! Здесь деревья, росшие вдоль реки, развалисто тянулись из берегов, точно зевала сама земля. Ветки их густо и беспорядочно покрывала сочная листва.

– Когда доберемся до Винсеса, – молвил Аквилино, – то встретимся с управляющим дона Арманда. Он и покажет нам плантацию.

Внезапно Пако указал на дерево, увешанное вокруг толстого ствола желтыми продолговатыми плодами.

– Вот оно, смотрите! – воскликнул Пако. – Наше *Pepa de Oro*¹⁴.

Я никогда в жизни не видела, как выглядят стручки какао. Невозможно было поверить, что тот темный густой шоколад, что я готовила каждый божий день, происходит из этих необычных, причудливого вида плодов, из этого «золотого зернышка», как только что назвал его Пако. Парнишка сиял неподдельной гордостью. И я лишь сейчас начала по-настоящему понимать, насколько важно для эквадорцев выращивание какао.

Мне до сих пор не верилось, что я наконец оказалась здесь – ведь я так долго об этом мечтала! Если бы только сам отец привез меня сюда, а не я прибыла одна да при столь странных обстоятельствах.

Пока мы перебирались из одной речки в другую, на каноэ царило молчание. Жара как будто лишила нас дара речи. Воздух был настолько душным, что я поневоле задумалась, прозорливо ли я поступила, одевшись мужчиной. Ведь я не могла просто снять пиджак, как Аквилино, или расстегнуть рубашку, как уже давным-давно сделал Пако. Единственное, что мне оставалось, – это утирать то и дело проступавший на лбу и шее пот носовым платком с инициалами Кристобая.

* * *

В порту нас никто не ожидал. Аквилино предложил прогуляться до площади, посмотреть, нет ли управляющего там. Я дала Пако несколько монет, чтобы он приглядел за моим багажом на пристани – не могла же я таскать по городу тяжелый чемодан, точно дамскую сумочку.

Мне доводилось слышать, что Винсес называют *París Chiquito*, «маленьким Парижем», но я даже не представляла, насколько это точное определение. Архитектура Винсеса напоминала любой европейский город со зданиями в стиле барокко в пастельных тонах. Там даже оказалась своя мини-версия Эйфелевой башни и бирюзового цвета дворец с вычурной белой лепниной вокруг окон и балконов. Повсюду были магазины с французскими названиями – как, например, *Le Chic Parisien*, *Bazaar Verdú*, – а жители шеголяли нарядами по последней европейской моде, какие мне доводилось видеть разве что в Мадриде. Отец здесь, надо думать, чувствовал себя вполне как дома.

¹⁴ Здесь: Золотое зернышко (исп.).

– А вот и он, – указал куда-то вперед Аквилино.

Мне мало что было видно сквозь запотевшие мужнины очки, но я различила, как к нам подъехал автомобиль. Сняв очки, я протерла их краешком жилета.

Вскоре к нам подскочил молодой мужчина, которому было где-то под тридцать.

– Дон Мартин, добрый день! – протянул ему правую руку адвокат.

Я поспешно надела обратно очки, пока этот человек не успел разглядеть вблизи мое лицо. Я ожидала, что отцовскому управляющему окажется лет побольше, а этот господин был моего возраста или, быть может, всего чуточку старше. Он не был красив – по крайней мере, в привычном понимании этого слова. Одно из век у него приопускалось слегка ниже другого, а кожа выглядела шероховатой и неоднородной, как будто несколько слоев загара от постоянного пребывания на солнце теперь боролись между собой за превосходство на его лице. Цепкие ястребиные глаза его сияли ярким живым блеском, что я расценила как высокую самоуверенность.

– Добрый день, – хрипловатым голосом произнес человек, которого называли Мартином. – Прошу прощения за задержку. Я предполагал встретить вас в порту.

Аквилино вытер платком шею.

– Мистер Бальбоа, это управляющий дона Арманда, Мартин Сабатер.

Мартин что-то – или, скорее, кого-то – поискал глазами за моей спиной. Я протянула ему руку.

– Дон Мартин, позвольте представить вам дона Кристобаля де Бальбоа, супруга доньи Пурификасьон, – произнес Аквилино.

Мартин расправил свои крепкие плечи и энергично пожал мне руку, глядя прямо в глаза. Еще никто с такой силой не пожимал мне ладонь и не глядел в глаза так пристально. Как женщина я привыкла к легкому дружескому поцелую или бережному рукопожатию. А еще мужчины никогда не глядят так долго в глаза женщине, если только они не близки или же откровенно не флиртуют. Я намеренно усилила хватку, пытаюсь сжать его руку с той же силой. Его ладонь рядом с моей казалась точно камень. Быть может, такими были руки у всех сельских мужчин? В отличие от него, у Кристобаля были руки как у пианиста, с длинными тонкими пальцами и мягкими, точно лайковые перчатки, ладонями.

Ощувив, как у меня загорелись щеки, я уже засомневалась в действенности моей маскировки, но все же выдержала его взгляд. Первой я уж точно не отведу глаза! Что-то мне подсказывало, что поддержка этого человека имеет для меня первостепенную важность. Однако, оценивающе поглядев мне в лицо, Мартин наконец выпустил мою руку, сразу, казалось бы, потеряв ко мне интерес.

– Что, донья Пурификасьон осталась ждать в порту?

– Нет, – отозвался адвокат и жестом указал на автомобиль: – Объясню лучше по дороге.

Втроем мы забрались в машину, снаружи почти такую же, как у Аквилино, только здесь был так называемый «туристический автомобиль» с двумя рядами блестящих кожаных сидений вместо одного. После путешествия на каное такое мягкое сиденье сулило отдых моей ноющей корме.

Мы остановились возле пирса, и Мартин с Пако погрузили в машину мой багаж. По дороге к усадьбе Аквилино поведал Мартину, что донья Пурификасьон скончалась на корабле. Я попыталась разглядеть что-либо в мгновенно посерьезневшем лице Мартина, но это оказалось невозможным. Он развернулся ко мне и высказал соболезнования, не вдаваясь в расспросы по поводу обстоятельств кончины моей «жены». Я так и не поняла: то ли это признак утайвания чего-то, то ли свидетельство безразличия.

Я старалась как можно меньше вызывать к себе внимание. Мне не хотелось, чтобы кто-нибудь из них попристальнее всмотрелся в мои черты или начал засыпать вопросами. Точно немая, я лишь вслушивалась в периодические обмены репликами, которыми мои спутники пытались перекрыть громкий рев мотора. Они то и дело упоминали людей, мне незнакомых,

но которых я наверняка скоро узнаю. Большая часть разговоров вертелась, впрочем, вокруг капризов погоды в последние пару дней и того, как это скажется на урожае. Повернувшись ко мне, Мартин пояснил, что они уже начали собирать плоды. Я легонько кивнула в ответ, как будто мне неинтересен был этот вопрос, хотя на самом деле мне не терпелось услышать все, что только известно об этом производстве.

В конце дороги на солидной ограде висела написанная от руки табличка. Мартин остановил машину, чтобы открыть ворота, и я не могла не отметить его твердую решительную походку – этот мужчина всем своим видом излучал уверенность в себе. Я опустила пониже голову, чтобы через лобовое стекло прочитать надпись на табличке... И, пораженная, перечитала еще раз:

LA PURI

Моим именем отец назвал свою асьенду¹⁵.

* * *

Отцовский особняк – вернее сказать, дворец, ибо это было единственным словом, подходящим к представшему предо мной величественному сооружению, – оказался самым прекрасным зданием, что я только видела в своей жизни. Это было двухэтажное, выстроенное на века, монументальное строение со ставнями и балконами по всему периметру, выкрашенное в малиновый, розовый и кремовый тона. Дорические колонны вдоль широкого портика поддерживали второй этаж. С балконов свисали керамические кашпо с папоротниками и голубыми орхидеями. Пол галереи крыльца был выложен чудесной мозаикой кораллового цвета, идеально гармонирующего с цветом стен. В тени портика сидела молодая леди с фарфоровой чашечкой в одной руке и книжкой в другой.

Мартин припарковался перед домом, и оба мои спутника тут же вышли из машины. Спустя мгновение они обернулись, с недоумением глядя на меня. Я же, как дурочка, все это время сидела, ожидая, когда мне откроют дверь – просто по женской привычке! Извернувшись, я открыла себе дверьцу машины сама и выбралась наружу.

Дама на крыльце носила широкую, цвета слоновой кости шляпу, тенью скрывавшую ей половину лица. Шелковое платье в жемчужных тонах было длинным, пышного покроя и очень походило на те шикарные платья, которые я видела на самых богатых покупательницах, когда-либо забредавших в мое шоколадное кафе. На плече у женщины пристроился белый какаду с длинным хвостом, как будто призванный не оставлять сомнений в демонстративности этого белого облачения хозяйки.

Подойдя к крыльцу поближе, я заметила, что у отдохавшей там женщины глаза моего отца. Взрослея, я запоминала каждую черточку отцовского лица по портрету, стоявшему у нас на каминной полке.

Должно быть, это была одна из моих сестер.

Заметив нас, женщина поднялась, чтобы поприветствовать гостей. Какаду остался неподвижен, разве что на голове у него чуть приподнялся желтоватый хохолок.

– Здравствуйте, донья Анхелика, – приблизился к хозяйке Аквилино и поцеловал ей руку.

Она как будто была на пару лет младше меня. Фигурка ее была стройной и худощавой, с длинной лебединой шеей. В каждом ее движении чувствовалась грация – начиная с того, как она повернула голову, вглядываясь в нас (в меня в особенности), и заканчивая тем, как она протянула мне длинные тонкие пальцы, чтобы я могла поцеловать ей руку, когда Аквилино должным образом представил нас друг другу. У меня в голове не укладывалось, как столь

¹⁵ *Асьенда* (также *гасиенда*, *хасиенда*) – крупное частное поместье в Испании и многих странах Латинской Америки.

хрупкая аристократичная особа может жить в такой сельской глуши. Ей место было в Мадриде или в Париже – но уж точно не в подобном захолустье.

Зардевшись, я поцеловала сестре руку. Это было для меня настолько неестественным жестом! Единственный, кому я когда-то в жизни целовала руку – это приходской священник (и то лишь потому, что меня заставила это сделать мать). Присматриваясь к моему лицу поближе, Анхелика чуть приподняла одну бровь. Я же надвинула пониже канотье, пытаюсь максимально укрыться.

Когда Аквилино обмолвился о трагической кончине Марии Пурификасьон на море, на лбу у Анхелики пролегла морщинка.

– Какая жалость, – покачала она головой. – Я так надеялась с ней повстречаться.

Трудно было определить, говорит она это искренне или чисто из вежливости. На лице ее не отразилось ничего, кроме огорчения, а учитывая столь изматывающую жару, это скорее могла быть просто ее реакция на погоду, нежели на скверные вести.

– Пожалуйста, прошу вас в дом, – молвила Анхелика и, подхватив со столика белый веер, быстрым движением, точно танцовщица фламенко, его раскрыла. У меня в воображении сразу возникла мама, танцующая фламенко в ее любимой юбке в горошек – с ее серьезностью во взоре, с гордой статью, с чеканностью каждого шага и несказанным изяществом рук. Фламенко было маминой величайшей страстью – вот только танцевала она исключительно в уединении нашей гостиной. Она всегда с такой тщательностью скрывала от всех свою толику *sangre gitana!*¹⁶

Когда мы друг за другом стали заходить в дом, какаду пристроил поудобнее серые лапки на плече у хозяйки.

Она была очень женственной и грациозной, эта моя сестра. Легкое покачивание ее бедер, когда она впереди нас входила в дом, всецело завладело вниманием и Аквилино, и Мартина. Даже я не могла оторвать от них глаз, притом что я женщина!

Зайдя внутрь, она сняла шляпу и пересадила птицу на верхушку клетки. Волосы у Анхелики были пострижены в стиле боб и смотрелись очень эффектно. Оказавшись перед увеличенным фотоизображением моего отца, установленным в вестибюле, я заметила, как у него с Анхеликой схожи и цвет волос, и в целом черты лица.

Мозаичный пол террасы продолжался и в передней, разве что стены здесь были пастельно-голубыми. За колонной внутри помещения спиралью поднималась ко второму этажу лестница, а над головами у нас висела огромная хрустальная люстра.

По лестнице спустился высокий мужчина.

– Ты как раз вовремя, *cher*, – обратилась к нему Анхелика. – Иди познакомься с мужем Марии Пурификасьон – доном Кристобальем де Бальбоа.

Когда она произносила мое имя, у меня возникло ощущение, словно она очень хорошо меня знает – будто бы мы с ней выросли бок о бок или будто в ее семье часто обо мне говорили. В ее тоне не было никакой напряженности. Мне это показалось очень трогательным – однако мне не следовало забывать об осторожности. Ведь, насколько я могла догадываться, кто-то в этом доме определенно жаждал моей смерти.

– Дон Кристобаль, это мой муж – Лоран Дюпре.

То есть француз. Я и раньше слышала, что многие европейцы добирались до этого, весьма отдаленного, уголка мира, но все равно была потрясена, действительно здесь их обнаружив – причем такими лощеными и довольными жизнью.

На Лоране был серый костюм в полоску, клетчатый галстук и аккуратно сложенный носовой платок, что предусмотрительно выглядывал из переднего кармана. Было похоже, что господин этот только что побрился – несмотря на то что шла уже вторая половина дня.

¹⁶ Цыганской крови (*исп.*).

– Очень приятно, – протянул мне руку Лоран.

У него оказались удлиненные кисти рук и пальцы будто сделаны были из резины, а не состояли из плоти и костей. Рукопожатие его ощущалось значительно мягче, нежели у Мартина. Тем не менее Лоран смотрелся мужественно, привлекательно, и, не будь на мне моей маскировки, я могла бы поклясться, что он окинул меня оценивающим взором волокиты. Что-то в нем чувствовалось настораживающее, и меня еще сильнее охватил страх, что за очками Кристобаля этот человек увидит мое истинное «я». Впрочем, если Лоран что-то такое и заметил, то вслух ничего не сказал.

Отведя от него взгляд, я последовала за сестрой в изысканно обставленную гостиную, в которой пахло полировочным воском и сосной. В углу комнаты стояла арфа.

– Не желаете ли виски, дон Кристобаль? – спросила Анхелика.

Я привыкла к легким алкогольным напиткам, таким как вино, сангрия или, по случаю, шампанское, но никогда не употребляла крепкого спиртного.

Глаза у всех присутствующих – за исключением Мартина – устремились на меня. После того как нас с самого начала представили друг другу, тот почти не обращал на меня внимания.

– Да, благодарю вас, – медленно и как можно ниже произнесла я.

– Хулия! – громко позвала Анхелика. – Принеси бутылку виски, пожалуйста.

Когда мы все собрались вокруг стола с мраморной столешницей, в гостиную, ступая еле слышно, вошла служанка в черно-белой форменной одежде, с волосами, заплетенными в косу и уложенными вокруг головы. Она принесла поднос со стаканами и золотистой бутылкой.

– Позови сюда Каталину, – велела ей Анхелика, взяв в руки бутылку.

«Каталина – другая моя сестра», – вспомнила я.

Следовало бы ожидать, что, оставшись одна-одинешенька на белом свете, я должна была бы чрезвычайно обрадоваться этой встрече с родственниками. И в обычных обстоятельствах я бы, конечно, была этому счастлива. Но после того, что случилось на лайнере, я стала крайне настороженной и ожесточенной. И все же в глубине души мне хотелось узнать об этих людях побольше. Потянувшись за стаканом, что предложила мне Анхелика, я без особого успеха попыталась унять в руках дрожь. Как только наши взгляды встретились, она мне снова улыбнулась:

– Присаживайтесь, пожалуйста.

Я заняла кресло с яркой пунцовой обивкой.

Вскоре в гостиную вошла особа, целиком одетая в черное. Мне она показалась слишком юной, чтобы одеваться с такой мрачной строгостью. Кружевная юбка закрывала ей ноги до самых лодыжек, а длинные рукава блузки полностью скрадывали руки. Но, как бы ни старалась эта женщина спрятаться под платьем, материя так плотно облегла ее талию и бедра, что лишь подчеркивала каждый изгиб ее стройного тела. Аккуратно подведенные глаза и брови у нее настолько завораживали, что просто невозможно было смотреть на что-либо другое.

Скользнув ладонью к кичке на голове, Каталина вопросительно поглядела на меня – единственного незнакомца в этой комнате.

– Это муж Марии Пурификасьон, – пояснила Анхелика. – Он приехал к нам с печальной вестью: наша сестра скоростижно скончалась на борту «Анд».

Еле уловимо глаза у Каталины расширились, и она быстро глянула на Анхелику. Трудно было понять, то ли это ее реакция на сообщение о кончине сестры и осознание того, что это означает для всего семейства, то ли она каким-то образом раскрыла обо мне правду.

– Дон Кристобаль, это моя сестра Каталина.

Развернувшись ко мне, Каталина пробормотала нечто похожее на соболезнования:

– Да примет ее Господь в Его вечной славе.

Я вперилась взглядом в здоровенный крест, висящий на шее у Каталины, и кивнула в ответ, крепко обхватив пальцами прохладный стакан. Я не могла себя заставить еще и ей целовать руку.

– Приятно с вами познакомиться, – машинально отозвалась я.

В кои-то веки я даже порадовалась, что у меня в руках оказалось спиртное. Мне оно сейчас было как никогда необходимо. Я залпом выпила порцию виски, которое мгновенно обожгло мне горло, и повернулась к остальным, собравшимся в этой комнате. С большим трудом я сдерживала желание выпалить им все свои обвинения. Один из этих людей был ответствен за гибель моего Кристобалья, и тем не менее все они вели себя как благородные, исполненные сочувствия члены семьи, как будто они по-настоящему переживали из-за выпавшего мне несчастья.

Притом что единственное, о чем они могли сейчас сожалеть – так это о том, что не убили нас обоих.

– Не желаете ли чем-нибудь закусить, дон Кристобаль? – спросила меня Анхелика.

– Нет, благодарю. Я в порядке.

Лицо у меня горело, я сама это ощущала. Я наклонилась вперед, опершись предплечьями о колени. Молчание в гостиной сделалось невыносимым. Я могла бы, конечно, сорвать очки и бороду, объявить свое имя и потребовать сообщить, кто именно велел убить моего мужа.

Однако все было совсем не так просто.

В то время как Лоран и сестры в благодушном настроении сидели напротив меня, Мартин потянулся к шкафчику за еще одной бутылкой. В этот момент куртка на нем слегка распахнулась, грозно открыв взору рукоять револьвера.

Если я начну доставлять им неприятности – кто может гарантировать, что он меня не пристрелит? Это было бы удобно для всех наследников отца. Никто в этих краях не знает, кто я такая, и не питает ко мне никаких чувств. Адвокату они всегда могут и заплатить. Лично мне он ничем не обязан. И если уж на то пошло, именно он был осведомлен о подробностях нашего путешествия: Кристобаль отправлял ему телеграммы из Испании и с Кубы. Кто угодно из собравшихся мог его подкупить, чтобы он послал наемника с целью избавиться от никому не нужной здесь испанской дочери – от этой свалившейся на голову паразитки, претендующей на часть поместья де Лафон.

Прежде я склонна была считать, что люди от природы добры. Пури, выросшая в Севилье и дружившая со всеми по соседству, ни за что бы не поверила, что эта благородная компания способна причинить ей зло. Однако той Пури больше не существовало, она осталась далеко позади, в безжалостных карибских водах.

Во рту ощутилось едкое послевкусие спиртного.

Аквилано вытащил из своего портфеля конверт из манильской бумаги, на всякий случай вытер себе платком шею и лоб и наконец извлек наружу пачку документов.

– Ну что ж, – молвил он. – Теперь поговорим о насущном. О наследстве дона Арманда.

Глава 4

Неделей ранее

Мама частенько говаривала, что мужчин начинаешь ценить лишь тогда, когда их рядом уже нет. После того как Кристобаль навсегда исчез в карибских волнах, меня, точно темным широким плащом, накрыла ностальгия по нашей с ним совместной жизни. Не проходило и часа – а в иные дни и минуты, – чтобы я не думала о нем.

Я все прокручивала в голове те последние мгновения на палубе – как будто размышления об этом могли что-то изменить! Мне следовало бы ударить того негодяя веслом до того, как он пырнул ножом Кристобала. Мне следовало бы прыгнуть в воду вслед за мужем и не дать ему утонуть. Мне следовало бы... следовало бы... И потом, вволю потерзав себя всем тем, что я *не* предприняла, я в который раз пыталась убедить себя, что все сделала правильно. Я стала звать людей на помощь, как только Кристобаль накрыло волной. Я заставила капитана остановить корабль. Я вызвалась отправиться на одной из шлюпок вместе со спасательной командой (капитан, однако, отказал мне в этом, сочтя, что для женщины это чересчур опасно). Я стояла на задней палубе до самого рассвета, не отрываясь глядя на безжалостные волны и все надеясь хоть на мгновение разглядеть там своего мужа.

Искали его несколько часов, вода лучами фонариков по поверхности воды, выкрикивая его имя. Но все равно не смогли найти ни Кристобала, ни того мерзавца, который его убил. Капитан высказал мне в качестве утешения, что мой муж умер быстрой смертью. «Если у него была такая рана, как вы говорите, то он, скорее всего, не страдал, – объяснил мне капитан. – Он, вероятнее всего, отключился от потери крови».

Да, для меня это и правда было утешением. Что он, по крайней мере, не мучился.

Вот только Кристобаль ни за что бы не умер, если бы я не потащила его на этот злополучный корабль! И если бы я не стала с ним в тот вечер ругаться, он проспал бы до утра в обнимку со своей пишущей машинкой, а не лежал на дне морском!

Если бы не то. Если бы не это...

Когда прекратили поиски, я с криками напустилась на капитана. Я требовала, чтобы они продолжили искать. Говорила, что в Испании мы очень важные и влиятельные люди. И к тому же баснословно богатые. Что мы – владельцы прибыльной плантации. И что мы осыпем его золотом и наградим землей – если только он отыщет моего Кристобала. Когда ни крики, ни обещания, ни угрозы не сработали – я стала его умолять. И тогда этот бывалый моряк с обветренным и загорелым лицом, со свисающими на верхнюю губу усами выдавил печальную улыбку и мягко положил мне ладонь на плечо:

– Я очень сожалею, мэ. Но мы тут уже ничего не можем сделать. Ваш муж ныне уже у Господа.

– Откуда вам это знать? – с горечью отозвалась я.

Глаза у капитана слегка выпучились. Могу поспорить, он еще ни разу не слышал подобного богохульства от испанской женщины. Однако вместо того, чтобы отшатнуться или поглядеть с укором, он легонько пожал мне плечо, кивнул и отошел.

Сказать по правде, я не хотела даже думать о том, где сейчас может быть Кристобаль. Варианты рисовались в голове один другого хуже. Все они были ужасающими. Быть может, он съеден акулами. Или где-то плавает, разбухший, посинелый. Я закрыла глаза. Уж лучше я буду считать, что он ко мне вернется. Что каким-то образом он сумеет спастись из воды, вскарабкаться на десять-пятнадцать метров над ватерлинией и выбраться на палубу.

Как же я тосковала теперь по ритмичному постукиванию его клавиш! Однако драгоценная машинка Кристобала с его исчезновением умолкла – вот уже шесть дней назад. Думал ли

он о своем романе в те последние мгновения? Осознал ли тот факт, что уже никогда не сможет его закончить?

Чего бы я не отдала, лишь бы вновь спотыкаться впотымах об его оставленные в проходе ботинки!

Да, моя мать была полностью права насчет мужчин. Их начинаешь по достоинству ценить лишь после их ухода.

Расправив плечи, я постучала в капитанскую рубку.

В жизни не видела ни одного британца с таким глубоким загаром, как у капитана Блэйка.

– Миссис Лафон? Прошу вас, входите.

Теперь мы уже достаточно хорошо были с ним знакомы, но капитан все равно старался не смотреть мне в глаза. Он был из тех мужчин, что вполне комфортно ощущают себя в мужской компании, но ужасно тушуются в обществе женщин.

– Хотелось бы узнать, как идет расследование, капитан.

– Я очень рад, что вы зашли, миссис Лафон. Я как раз хотел с вами об этом поговорить. Однако прошу вас, садитесь! – поспешно указал он на охряного цвета кожаный диванчик напротив стола. В рубке стоял терпкий запах табака.

Я последовала приглашению.

– Так вам удалось выяснить, кем был тот человек?

– Боюсь, что нет, мэм. – Капитан уселся за загроможденный всем, чем только можно, стол. Лицо его наполовину загоразивал стоявший там глобус. – Мы не нашли ни одной записки о человеке, что соответствовал бы вашему описанию. И собственно говоря... – Тут у него покраснели кончики ушей. – Я решил закрыть расследование и квалифицировать смерть вашего мужа как несчастный случай.

– Несчастный случай?! Что вы хотите сказать?! – вцепилась я в подлокотник дивана. – Говорю же, этот человек напал на меня! А Кристобаль пытался меня защитить!

– Я верю вам, мэм. Нет надобности повышать голос. Но боюсь, что за отсутствием доказательств я мало что могу сделать. Это расследование и так отняло у меня массу времени, а мне надо еще управлять судном и заботиться о сотнях пассажиров.

– Но это же нелепо! Вы намерены солгать – причем в официальном документе, – потому что для вас так проще и удобнее?

– Я вовсе не лгу. К сожалению, этому действительно нет никаких доказательств.

– А есть кто-нибудь другой, кто мог бы взяться за расследование? Власти Эквадора, например?

– Нет, мэм. Это британское судно, находящееся под британской юрисдикцией. А потому расследование следует препоручить властям Великобритании. Если бы это... происшествие случилось уже после того, как мы прибыли к Эквадору, то тамошние службы за это бы взялись.

– То есть вы хотите сказать, что мне надо возвращаться обратно в Европу, чтобы искать убийцу своего мужа? Но это же лишено смысла!

– Вы вольны подать заявление в британском консульстве в Гуаякиле и нанять адвоката, который взялся бы представлять ваши интересы в Британии.

«В Британии?! Там-то вообще как можно отследить убийцу Кристобаля?!»

– Но я не выдумала этого человека, капитан! Он был на самом деле. И он даже знал меня по имени!

– Миссис Лафон, я понимаю: вы вовсе не это желаете от меня услышать. Я знаю, что вы ищете справедливости ради памяти своего мужа, однако я связан другими обязательствами. Весьма сожалею, но ничем больше не могу вам помочь.

Я поднялась с кресла – и, похоже, слишком резко, поскольку голова немного закружилась, и мне пришлось прижать ладонь ко лбу.

– Вы в порядке? Если хотите, могу позвать доктора Косту.

– Нет, – ответила я. – В этом нет необходимости.

С доктором Хауме Коста я познакомилась как раз в ту ночь, когда произошел «несчастный случай». Он оказался моим соотечественником, каталонцем, который отправился в Колумбию, чтобы помогать бороться с «испанкой», унесшей немало жизней за последние два года. Когда поиски Крестобалья закончились, доктор дал мне действенное успокоительное, которое позволило мне не сойти с ума от мысли, что мой муж остался где-то посреди этого жуткого бушующего океана.

Капитан тоже встал.

– Если вы решите вернуться в Испанию, мэм, я могу договориться, чтобы вас устроили на другой пароход, как только мы пришвартуемся в порту Гуаякиля.

– Нет, благодарю вас. Я продолжу поездку.

– И все же – простите за назойливость, – насколько я понял, ваш путь лежит в небольшое поселение на побережье Эквадора. Если позволите озвучить мое мнение – я считаю, что столь масштабная поездка может оказаться весьма опасной для женщины, путешествующей в одиночку.

Из-за всей этой суматохи и потрясений я как-то не слишком задумывалась до сих пор об остальной части моей поездки, хотя меня и страшила уже мысль о том, что мне придется управлять плантацией без помощи мужа.

– Американцы сильно отличаются от тех людей, к которым вы привыкли, мэм, и особенно в отдаленных местностях. У меня нет намерения вас пугать, однако я несколько наслышан о судьбе отдельных миссионеров – и мужчин, и женщин, – на которых нападали в джунглях и на побережье. Не стану вдаваться в подробности, но скажем так: женщинам в особенности выпадали некоторые, чрезвычайно мучительные, переживания.

У меня пересохло во рту. Через мгновение я вновь обрела голос.

– В порту меня будет встречать поверенный отца, и он отвезет меня в Винсес.

«Чрезвычайно мучительные переживания? Какие, например?»

– Благодарю за ваше беспокойство, капитан, но здесь совершенно не о чем волноваться.

На словах я была куда увереннее, нежели чувствовала себя на самом деле. Ведь, если честно, я не была знакома с этим адвокатом и даже не слышала никаких отзывов об этом человеке – как, собственно, и ни о ком, кто меня там ожидал. Я вдруг задумалась о тех женщинах-миссионерках, которых только что упомянул капитан. Их что, жестоко изнасиловали? Не на эти ли «мучительные переживания» он намекал? Признаться, Блэйку удалось вселить в меня немалое беспокойство, хотя гордость и не позволяла мне это показать. Я слишком уже далеко зашла, чтобы возвращаться в Севилью с пустыми руками.

Кивнув напоследок, я вышла из его каюты.

* * *

Я сделалась какой-то одержимой в отношении пишущей машинки Крестобалья. Последние минут двадцать я протирала влажным полотенцем каждую ее клавишу, как будто рассчитывала заставить их снова заблестеть. Как будто мой муж к ней вернется, чтобы закончить свой драгоценный роман. Как будто этот ритуал может снискать мне его прощение.

Едва закончив с нижним рядом, я снова взялась за верхний левый угол. Внезапно буквы и цифры в глазах поплыли, и на одну из клавиш упала слеза.

От неожиданного стука в дверь я вздрогнула.

«Нашли Крестобалья?»

Я бросилась открывать дверь, утирая слезы тыльной стороной руки и крепко прижимая к груди мужнину домашнюю куртку.

Дама, оказавшаяся за дверью каюты, явно прочитала на моем лице разочарование. Кристобаль мертв. Когда я наконец смогу это усвоить?

– Доброе утро, – промолвила она. – Уверена, мы с вами встречались в ту ночь, когда мой муж ухаживал за вами.

Мне смутно припоминались эти распущенные вьющиеся волосы, обрамлявшие бледное лицо. Когда женщина улыбалась, ее выпирающие клыки нарушали ровную гармонию передних зубов, но в целом она была красива, с величественным рельефным носом и полными губами.

– Ваш муж? – переспросила я.

– Доктор Коста.

– Ах да, каталонец!

– Именно. Простите, что я вас беспокою, но... – Она быстро поглядела в обе стороны коридора. – Вы не возражаете, если я зайду?

– Нет, конечно же. Входите, – открыла я дверь пошире.

– Вполне понятно, что вы меня не помните, учитывая то, что тогда с вами случилось. – Женщина присела на койку Кристобалья, которая так и оставалась аккуратно прибранной, как будто бы он заправил ее и ушел. – Ой, простите! Где же мои манеры? Я ведь вам даже не представилась. Я – Монсеррат, – протянула она мне ладонь.

– Пурификасьон, – ответила я. – Но все называют меня Пури.

– А меня можете звать Монсэ.

Мне эта женщина сразу приглянулась. У нее было такое приветливое лицо, которое мгновенно навевало мысль о долгих душевных вечерах с легким вином и занимательными разговорами. В иных обстоятельствах мы с Монсэ несомненно сделали бы близкими подругами.

Из серебристой сумочки она вытащила пачку сигарет и спички и предложила мне угоститься. Я помотала головой. Никогда не прикладывалась к курению. Моей греховной страстью всегда являлся шоколад.

– Послушайте, не хочу, чтоб вы сочли меня настырной, – продолжала она, положив ногу на ногу. – Но мы с вами соотечественницы и должны держаться вместе, ¿sabes?¹⁷ – Она закурила сигарету. – Я только что случайно подслушала то, что, должно быть, вас заинтересует. Мы с мужем были у капитана Блэйка – симпатичный мужчина, не правда ли? – и разговаривали о расследовании того, что произошло с вашим супругом. Капитан нам сказал, что ничего прояснить не удалось и что он собирается закрыть дело, и так далее, – когда внезапно в рубку вошел один из его матросов с маленьким чемоданчиком. – С ее губ слетела струйка дыма. – Чемоданчик этот, судя по всему, нашли в одной из кладовок рядом с камбузом, в которой хранятся чистящие средства, швабры, щетки и прочее в том же духе. Так вот, этот предмет, по убеждению матросов, принадлежал как раз тому человеку, что напал на вас и вашего мужа, и они решили, что в этой камерке он и прятался, поскольку там нашли на полу плед.

То есть я вовсе не сошла с ума! Нашлось-таки доказательство того, что этот мужчина был здесь на самом деле!

Я вскочила на ноги.

– Погодите! Куда вы?

– Поговорить с капитаном. Куда ж еще?!

– Это ничего вам не даст. – Она распрямила ноги. – Капитан Блэйк попросил нас с мужем ничего вам не говорить. Мне кажется, он просто хочет, что называется, перелистнуть страницу и забыть обо всем, что произошло.

– Ну, а я этого никак не допущу!

Монсэ многозначительно улыбнулась.

¹⁷ Понимаете? (исп.)

– А вы знаете, где сейчас этот чемоданчик? – спросила я. Мне необходимо было увидеть эту вещь до того, как от нее избавиться.

– Я видела, что капитан поставил его возле стола. Можем сходить туда сейчас, пока все завтракают.

* * *

Монсэ осталась стоять снаружи у капитанской рубки, а я скользнула внутрь. Видавший виды маленький чемоданчик стоял возле стола – в том самом месте, где и должен был находиться, по словам моей новой знакомой. Я положила его на спинку дивана, расстегнула оттяжные замочки и подняла крышку.

Под двумя сорочками лежали пара брюк, исподнее, бритвенный набор и явно не пустая мыльница. Я старательно искала бумажник или что-либо еще, способное дать мне имя владельца, но единственным, что я еще нашла, была книга. Библия. Я чуть не рассмеялась от горькой иронии.

Я быстро пролистнула книгу, ища где-нибудь имя этого человека. Внутри оказался вложен конверт. Оглянувшись на дверь, я открыла на нем клапан и достала два небольших листка бумаги. На одном был чек, подписанный будущим числом, из банка в Винсесе. Имя получателя оставалось незаполненным, подпись была неразборчива.

На другом листке значилось только имя. Причем мое.

Подозрения мои оказались верны. Этого человека подослали меня убить. Одно это подтверждало необходимость продолжать расследование. Но я уже не верила, что капитан сделает все, как следует. Уж слишком для него это было некстати. Блэйк и так мне доказал, что вовсе не заинтересован в том, чтобы дать ход этому делу, ни словом не обмолвившись мне о чемоданчике и решив квалифицировать убийство как несчастный случай. В конце концов, он не был ни следователем, ни частным дознавателем. Блэйк просто переправит бумаги кому-нибудь другому, и эти документы в итоге будут лежать, покрываясь пылью, у кого-то в шкафу. Нет, я не хотела, чтобы за дело взялись британские органы правосудия. Кто знает, сколько месяцев или даже лет это займет!

Я быстро сунула конверт себе в рукав.

Я сама найду убийцу Кристобаля.

* * *

Монсэ я не стала говорить о конверте с листками. Она была очень доброжелательной особой, но все же только что сама мне доказала свою неспособность хранить секреты. Первое, что сделала эта женщина, когда капитан попросил их с мужем держать находку в тайне, – это пришла ко мне и поведала о чемоданчике. Не скажу, чтобы я не была признательна ей за информацию – ведь именно благодаря Монсэ я нашла первую зацепку к раскрытию того, кто за всем этим стоит. Однако я едва ее знала. И не смела никому доверять.

В ту ночь мне едва удалось поспать. Стоило хоть на минуточку уснуть, и меня сразу окутывали кошмарные видения, где на меня в джунглях набрасывалась шайка негодяев или же я в нижней сорочке потерянно бродила по плантации какао. И пока я ворочалась в постели, в голове раз за разом проносились слова капитана Блэйка: «...Столь масштабная поездка может оказаться весьма опасной для женщины, путешествующей в одиночку».

При мысли о том, что могло случиться с упомянутыми капитаном миссионерками, меня пробил ледяная дрожь. Будь Гуаякиль последним пунктом моей поездки, я бы так не беспокоилась – но ведь я совершенно незнакома была ни с Винсесом, ни с географией Эквадора вообще. Единственное, что я теперь знала – что этого убийцу (а теперь я полностью увери-

лась, что нападение на меня не было случайным) вполне мог нанять отцовский поверенный. Только он был в курсе, что я уже еду в Эквадор, и даже знал точную дату моего прибытия. В телеграмме адвокату Кристобаль упоминал «Вальбанеру», а как только мы прибыли на Кубу, отписался ему насчет «Анд».

На какой-то момент я даже всерьез задумалась над предложением капитана вернуться в Севилью.

Вот только что меня там ждет? Ни дома, ни семьи, ни даже шоколадной лавки. Мы продали все, что у нас было. Все мое имущество лежало в трех чемоданах. Я села на койке и включила на тумбочке лампу.

Чемоданы были сложены штабелем у стены. Я пока ни разу даже не задумывалась, как поступить с личными принадлежностями Кристобаля. Мне в натугу было бы тащить через всю незнакомую страну чемодан с его вещами, не имея на то весомой цели – просто из сентиментальности. Так что мне следовало раздать его одежду пассажирам третьего класса.

Кристобалью это решение пришлось бы по душе. Он всегда тяготел к благотворительности. Однажды я поймала его на том, как он кормил трех бродяг позади «шоколадницы». Его пиджаки и куртки то и дело необъяснимым образом пропадали, особенно в период дождей, после чего я замечала то одну, то другую его вещь на каком-нибудь нищем, пристроившемся у церковных ступеней. Кристобаль всегда говорил, что ему не много нужно, чтобы быть довольным жизнью. Что счастливым его делают не вещи, а сама жизнь и яркие впечатления.

Я открыла чемодан с его вещами. Брюки, жилеты, нижнее белье – все это покоилось аккуратными стопочками, как будто он только что сложил вещи и куда-то отлучился. Отдельно лежали галстуки-бабочки всевозможных размеров и цветов, которые я для него покупала. Таким Кристобаль был во всем – любившим порядок и предсказуемость. Я попыталась представить, как он бы поступил, если бы я, а не он, погибла на этом пароходе? Вернулся ли бы он в Испанию? Или отправился бы дальше, в глубь чужой, неведомой страны, дабы исполнить предсмертную волю жены? Впрочем, какое бы решение он ни принял, ему приходилось бы намного легче. Он был мужчиной – а значит, был в большей безопасности. Любой человек лишний раз подумает, прежде чем напасть на него. Мужчины по-любому лучше дерутся. Вот почему даже такой миролюбивый и интеллигентный человек, как Кристобаль, смог дать отпор злодею. Он оказался намного сильнее и крепче, нежели я могла подозревать. Я представила его плечи – намного шире моих, – его уверенную походку, настолько непохожую на мелкие осторожные шажки, которыми принято передвигаться женщинам...

И тут у меня в голове вспыхнула идея. Я достала из чемодана мужнины брюки. Они, конечно, оказались широки, но если чуточку подогнать, то вполне на меня сядут. Я всегда была от природы худощавой и такой высокой, что, когда меня приглашал танцевать кавалер небольшого роста, мне приходилось сутулиться и даже слегка сгибать колени. И у матери моя манера держаться всегда вызывала возмущение.

– Выпрями-ка спину, – требовала она, отводя мне назад плечи. – Неси себя с гордостью. Мужчины любят уверенных женщин.

– Но я совсем нескладная. Кому я такая нужна! – отвечала я. – Взгляни на мои руки. Им, кажется, и конца-то нету!

– Чушь какая! С таким телом из тебя бы вышла прекрасная танцовщица.

Вот только меня никогда не увлекало фламенко. Моим призванием всегда была кулинария.

В юные годы я больше всего боялась, что меня выдадут замуж за какого-нибудь коротышку. И вздохнула с великим облегчением, когда мама представила мне Кристобаля, который оказался на пару-тройку сантиметров выше меня.

Я пригляделась к своему отражению в зеркале. Брови у меня изначально густые, и если их еще несколько дней не выщипывать, то они вполне станут походить на мужские. Нос маленький

и вздернутый – однако, если я надену очки Кристобая, они с успехом это скроют. В конце концов, у отца ведь тоже был такой же нос.

Потерла пальцами свой гладкий подбородок. Мне требовалось нечто такое, что могло бы скрыть отсутствие растительности на лице. С бородой мужчины выглядят старше. Тут я вдруг вспомнила про артистов из цирка-кабаре с их усами и испанскими бородками. Все это, понятно, было накладным: на следующий день я всех их видела гладко выбритыми, когда они вышли из гримерной и отправились на ланч. Может, мне туда проникнуть незаметно и кое-что себе прибрать? Даже могу оставить им какие-то деньги за причиненное беспокойство.

С моей длинной шевелюрой – предметом особого обожания Кристобая – увы, придется расстаться. Вот только с голосом что делать?

Моим достоинством в нынешней ситуации явилось то, что я никогда и не обладала высоким голосом. И кстати, ла Кордобеза, выражая недовольство моим пением, вечно сетовала, что я пытаюсь петь сопрано, в то время как у меня голос от природы низкий. А Кристобаль однажды мне сказал, что находит мой гортанный голос очень чувственным.

По иронической усмешке судьбы, все мои физические недостатки, которых прежде я так стыдилась – широкие запястья, почти плоская грудь, угловатые бедра, низкий тембр голоса – теперь как нельзя лучше играли мне на руку.

Глава 5

Апрель 1920 года

Надев очки, Аквилино специально для меня сообщил, что предыдущее чтение завещания перед тем же собранием, за исключением меня, состоялось еще три месяца назад, однако он потребовал огласить последнюю волю нашего отца еще раз – «во избежание любого недопонимания».

Все разговоры сразу смолкли, и в гостиной воцарилось напряженное молчание.

Аквилино принялся долго и монотонно зачитывать документ, в котором заявлялось, что все отцовское материальное имущество должно быть разделено на четыре части, то есть на каждого из детей. Имелась лишь одна оговорка – мелкий нюанс, которого я никак не ожидала.

Мой отец – человек, которого я никогда по-настоящему не знала и который, как утверждалось в завещании, «находился абсолютно в здравом уме и твердой памяти», оставил меня во главе своего самого ценного достояния – плантации какао. В документе заявлялось, что я получаю 43 процента всего наследуемого имущества, а остальные 57 процентов предполагалось разделить на троих его младших детей, так что каждому из них выпадало по 19 процентов. Поскольку Альберто отказался от своей доли наследства, то ее следовало разделить на трех сестер, что давало мне почти 50 процентов отцовской собственности.

Таким образом, я оказывалась преимущественным наследником, а также тем лицом, кому отдавалась в управление плантация.

Плечи у меня так свело от напряжения, что лишь большим усилием воли мне удалось как-то их расслабить. Почему отец поставил меня за главную, притом что он не видел меня с двухлетнего возраста? Почему не оставил плантацию Анхелике – старшей из его эквадорских детей? Или Альберто – единственному своему сыну?

Пока Аквилино продолжал читать, все тем же монотонным голосом оглашая пункты завещания, Анхелика все быстрее обмахивалась веером. Я еле сдерживалась, чтобы не посмотреть в ее сторону. Я могла лишь догадываться, какое негодование испытывала такая женщина, как Анхелика, из-за того, что оказалась не главным получателем наследства своего отца.

– Дон Кристобаль, – обратился ко мне Аквилино, подняв наконец голову от документа, – когда дело касается наследования имущества, у законов Эквадора имеется своя специфика. В связи с кончиной доньи Марии Пурификасьон, ее доля по завещанию должна быть разделена между ее братом и сестрами. – Адвокат всех нас обвел взглядом поверх очков. Наследники вольны лишь выделить 25 процентов своей доли тому, кому сочтут нужным, а остальное, увы, должно остаться в семье.

Я почувствовала, как взгляды всех присутствующих устремились на меня. Эта новость, без сомнения, пришлась им по душе. От кончины Пури все они без исключения были в выигрыше.

Мозг у меня бешено заработал. В этой комнате определенно никого не радовало то, что Пури унаследовала половину поместья Лафон. Мой взгляд невольно стрельнул к проступающей на поясе у Мартина выпуклости. Если я прямо сейчас раскрою свое истинное лицо, то окажусь в опасности. Тот, кто организовал покушение на меня на борту «Анд», наверняка снова попытается меня убить. Между тем, если я продолжу играть роль своего мужа, я буду в безопасности. Я смогу беспрепятственно изучить этих людей и выяснить, кто же подослал ко мне убийцу. Эта оговорка насчет доли наследства может сыграть мне на руку. Это позволит мне выиграть время, чтобы найти необходимые доказательства – и вот тогда я раскрою свою настоящую личность и заявлю о своем праве на наследство.

И тут меня остановила мысль: если моему мужу ничего не причитается, то под каким предлогом он тогда сможет здесь остаться?

Я поставила пустой стакан на кофейный столик.

– Дон Аквилино, с ваших слов я понял, что Пури вправе была оставить четверть своего наследства тому, кому сочтет нужным, верно?

– Да. – Аквилино уже всю убирал бумаги, возвращая конверт с завещанием к себе в портфель. – Однако чтобы считаться действительным, ее волеизъявление должно быть изложено письменно.

Я расправила плечи.

– Пури изложила свою последнюю волю на бумаге. Она написала, что желает, чтобы причитающееся ей наследство перешло мне.

Мои сестры молча переглянулись. Мартин продолжил стоять, не отрывая сосредоточенного взгляда от окна (ему так и не довелось ни присесть, ни открыть бутылку хереса). Лоран подраспустил галстук. Какаду перелетел к Анхелике и уселся ей на плечо. Появление птицы ее как будто нисколько не побеспокоило.

– Но ведь это дает дону Кристобалью право лишь на двадцать пять процентов? Не правда ли, дон Аквилино? – спросила Анхелика.

– Именно так. А семьдесят пять процентов доли доньи Пурификасьон следует разделить между вами и доньей Каталиной, поскольку дон Альберто от наследства отказался. – Адвокат поставил портфель на пол и повернулся ко мне. – Дон Кристобаль, мне необходимо увидеть эту, подписанную вашей супругой, бумагу и, разумеется, сравнить подпись на ней с подписью в ее паспорте. Кроме того, мне понадобится ваше свидетельство о браке и свидетельство о смерти доньи Пурификасьон.

Я вытерла выступивший на лбу пот.

– При мне на данный момент нет ее свидетельства о смерти. Капитан судна обещал прислать мне его из Панамы, когда будет закончена вся бумажная волокита. Это должно занять примерно неделю. – Я даже поразились такой своей способности врать на ходу. По-видимому, дал о себе знать инстинкт самосохранения. – Разумеется, мне тут нет смысла оставаться. Я совершенно ничего не смыслю в выращивании какао. По правде говоря, я предпочел бы продать свои двадцать пять процентов тому, кто изъявит на это желание, и спокойно отправиться назад в Испанию.

Анхелика откинулась на спинку кресла, чем-то угощая птицу.

– Я не являюсь человеком больших амбиций, – продолжала я. – Моей единственной мечтой всегда было написание романа. Собственно, это единственная причина, по которой я согласился сопровождать жену в этой ее одиссее.

Анхелика впервые за все время улыбнулась:

– Как это замечательно! Лоран у нас тоже представляет мир искусства. В какой-то момент у него и у самого были серьезные литературные замыслы. Не правда ли, *querido*¹⁸?

– Да, *chérie*¹⁹.

Мартин сложил руки на груди, как будто эта тема была для него самой скучной и утомительной на свете.

И хотя я лгала в тот момент, когда сказала, что собираюсь продать свою долю собственности, я на миг всерьез задумалась об этом варианте. Неужто я и в самом деле намерена провести остаток жизни в окружении этих стервятников? Не лучше ли вернуться назад, на родину, где у меня много друзей, которые меня любят, где я каждое утро могу видеть из окна величественную Хиральду²⁰ и где с доставшимися от отца деньгами я сумею начать новый бизнес.

¹⁸ Милый (*исп.*).

¹⁹ Дорогая (*фр.*).

²⁰ Башня Хиральда – символ Севильи, четырехугольная колокольня высотой 98 м, вздымающаяся над Севильским кафедральным собором.

Вот только, если я отправляюсь назад в Испанию, мне придется вернуться туда уже *без мужа* – причем «благодаря» кому-то в этой комнате.

И это был уже вопрос справедливого возмездия, а вовсе не каких-либо амбиций. Мой отец присутствовал в жизни моих сестер на протяжении всей их жизни, и было совершенно очевидно, что они не собирались принимать меня с распростертыми объятиями как одну из своих, а напротив – желали бы стереть меня с лица земли.

Томас Аквилино поднялся:

– В таком случае, дон Кристобаль, мы можем сейчас вернуться в город, и я помогу там снять для вас жилье.

– Что за вздор! – твердым голосом заявила Каталина. – Дон Кристобаль – муж нашей недавно почившей сестры, и будет правильнее, если он останется здесь, в окружении семьи. Ты так не считаешь, Анхелика?

Анхелику это предложение как будто застало врасплох, однако она промолчала.

Я была в нерешительности. Единственным способом выяснить побольше об этих людях и узнать, кто из них мог пойти на убийство – это остаться с ними рядом. Но в то же время мне крайне неприятно было признаться – пусть даже самой себе, – что меня пугала перспектива оказаться столь близко к своему потенциальному убийце или же возможность того, что с меня сорвут маску и выставят самозванкой.

– Мне бы очень не хотелось вам навязываться, – сказала я, – но этот дом мне видится наиболее вдохновляющим местом для моего творчества.

Я восставала против собственного инстинкта самосохранения и всех доводов благоразумия – но чем сильнее мне претила мысль здесь остаться, тем больше я уверялась, что *должна* это сделать. Ведь если я поселюсь в городе – как тогда я выясню правду?

– Ну, разумеется, вы нисколько не навязываетесь, дон Кристобаль, – немного нерешительно промолвила Анхелика. – Мы были бы счастливы принять вас у себя.

Поблескивая глазами, она выдержала мой пристальный взгляд.

– Ну, коли вы на том договорились, то я, пожалуй, вас покину, пока не опустилась ночь, – сказал Аквилино. – Дон Кристобаль, как только прибудет свидетельство о смерти доньи Пурификасьон, я соберу все документы, и мы сможем продолжить осуществление всех пунктов завещания. Это также даст время другим членам семьи решить, кто из них желает приобрести вашу долю.

– Отлично, – отозвалась я.

Все встали с мест, чтобы поблагодарить адвоката – за исключением меня. Виски, хотя и ненадолго, все же придало мне храбрости остаться на месте, когда Аквилино стал прощаться. Я очень надеялась, что мне недолго придется изображать мужчину. Я терпеть не могла обманывать, но не видела сейчас иного варианта. За неделю я, быть может, сумею выяснить, кто здесь так желал мне смерти, и уже под собственным именем смогу заявить о своем праве на наследство. При условии, конечно, что им не удастся убить меня раньше.

Глава 6

Анхелика

Тремя месяцами ранее

Когда Аквилино зачитал имя, которое в этом доме долгие годы не принято было произносить вслух, Лоран сочувственно сжал мою руку.

Мария Пурификасьон де Лафон-и-Толедо.

Испанская дочь моего отца.

Законная его дочь.

Если бы не она, я была бы у отца старшей и любимой дочерью. Назовите меня мелочной, если хотите, – мне это все равно, – но случись вам самим долгие годы жить в тени призрака (призрака совершенного вдобавок), то вы бы знали, что это такое – никогда не быть достаточно хорошей, подбирать себе крошки отцовского внимания, ловить случайную улыбку, получать в награду лишь легкое потискивание щеки за то, что по три часа в день упражняешься на арфе и играешь, как сонм ангелов. Мой легкий нрав постоянно оставался им незамеченным, равно как и мои старания с математической точностью вести хозяйство после смерти мамы.

Я напряженно выпрямила спину, прослушивая долгое перечисление собственности, которую мой отец оставлял *ей*. Все это лишь подтверждало то, в чем я была уверена всегда, сколько себя помнила.

Не то чтобы отец был ко мне суровым. Напротив, он вечно баловал меня подарками. Но это было все, что я от него получала, – вещи. Проблема была в том, что я не в силах была заменить ему *ее* – перворожденную дочь. Дочь, рожденную в Европе от матери-испанки. Я никогда не увлекалась ни земледелием, ни этими проклятыми какао-бобами да шоколадом, как она – пусть даже где-то далеко. Нет, я родилась на «новом континенте». Я была дочерью метиски, его второй и не совсем законной жены – и, разумеется, не чистокровной дворянки. И неважно, что я носила платья по последнему крику моды и что я была блондинкой (я каждый день мыла волосы отваром ромашки, чтобы сохранить такой светлый оттенок волос). Неважно, что я вышла замуж за француза – просто чтобы угодить своему отцу, – или что я знала имена всех важных дам в нашем *París Chiquito*, «маленьком Париже», как еще называют Винсес. Не имело никакого значения, сколь мастерски я заправляла на кухне, каждую неделю радуя отца его любимыми блюдами по европейским рецептам: и бифштексом шатобриан, и флорентийским пирогом, и шницелем кордон-блю, и суфле, и, разумеется, рыбой по пятницам – как в самой что ни на есть примерной католической семье. Впрочем, не забывая и о рисе: в нашей стране день без риса – все равно что без полноценного обеда.

Но это все равно для него ничего не значило.

У отца на меня просто не находилось времени. Бывало, он разговаривал с Мартином, и мне казалось, будто я превращаюсь в невидимку. Я начинала кашлять, просто чтобы привлечь к себе внимание, но именно Мартин тогда принимался похлопывать меня по спине, даже не отрываясь от разговора.

Пока Аквилино своим монотонным гнусавым голосом зачитывал последнюю волю отца, я не могла оторвать взгляд от Мартина. Мы все собрались в столовой комнате вокруг отцовского поверенного и, упершись локтями в стол, плотно сжали губы. Мартин с такой силой стиснул сложенные в замок ладони, что побелели костяшки пальцев. На него завещание, похоже, произвело тот же эффект, что и на меня.

Отец никогда не скрывал тот факт, что Мартин был для него как сын, которого он всегда так желал видеть в Альберто. Мартин был волевым, решительным, строгим с работниками, и к тому же он полностью разделял отцовскую страсть к выращиванию какао. Альберто, с другой стороны, в детстве был тише воды. А потом поступил в духовную семинарию. Говорил он

чаще всего односложно. Дни и ночи просиживал взаперти у себя в комнате, штудировав книги по архитектуре, теологии и философии. И в тех редких случаях, когда нам доводилось видеть брата (преимущественно за обедом или завтраком), он как будто мысленно витал где-то в другом мире. А если и открывал рот, то задавал вопрос о таких вещах, о которых мы никогда и не задумывались и которые не имели никакого отношения к текущей за столом беседе. К примеру: «Как по-вашему, доброта человека – врожденное или приобретенное качество?»

Он ничего общего не имел ни с отцом, ни с Мартином. У тех дни и ночи были расписаны в соответствии с циклами плодоношения какао. Эти капризные, привередливые деревья были и нашей огромной удачей, и нашим приговором. Когда в какой-то год был большой урожай, то взрывной смех отца слышался в каждом уголке дома, и он щедро одаривал подарками и маму, и Каталину, и меня.

Но боже упаси, если урожай был худым! В конце неудачного года отец на целые дни запирался у себя в кабинете, объявляя чуть ли не голодовку, и единственным, кто допускался к нему внутрь, был Мартин с бутылкой красного вина или хереса в качестве входного билета. Отец бесконечно писал какие-то письма, которые так никому и не отправлял, и они скапливались, пылясь, у него по ящикам. На граммофоне раз за разом ставилась «Марсельеза», пока у нас уже не возникало желание вырвать себе уши. Всякий раз, как дверь кабинета открывалась – в основном, чтобы впустить или выпустить наружу Мартина, – я слышала отцовские ругательства («*Ce pays de merde!*»²¹, например).

Однако, как теперь выяснилось, Мартину он ничего не оставил – что мне казалось очень странным, учитывая то, насколько они были близки, а также и то, сколько такта и терпения проявлял Мартин, когда отец пребывал в мрачном расположении духа. Даже моя мать – эта святая из женщин – не всегда способна была выносить его скверный характер. Обычно в такие дни она приглашала к нам женщин из *Cofradía*, здешней святой общины, на послеобеденную молитву. «Отцу, – говорила она, – теперь поможет лишь Святая Дева». Однако отец терпеть их не мог. Вид и голоса этих набожных дамочек ничуть не улучшали ему настроение. Как раз наоборот.

Альберто прикрыл ладонью рот и кашлянул, но почти сразу на его лицо вернулось обычное благостное выражение. То ли до него до конца еще не дошло то, что сейчас говорил нам Аквилино, то ли ему было это все равно.

Закончив читать документ, поверенный поднял голову и внимательно поглядел на каждого из нас.

Ноги у меня под столом отчаянно дрожали. У меня едва укладывалось в голове, что почтенный дон Арманд де Лафон большую часть собственности завещал своей далекой дочери, которая была для меня не более чем имя на деревянной табличке при въезде в имение. Имя, которое мучило меня едва ли не всю жизнь, но почему-то не казалось мне реальным. А теперь это имя должно было обрести плоть и кровь, явиться к нам на асьенду и потребовать себе все то, что мне удалось сохранить или даже преумножить. Вот только где была эта любимая испанская дочь, когда я, как сиделка, ухаживала за отцом в последние полгода его жизни?! Для меня все то, что я сейчас слышала, было точно завершающий удар матадора.

– Ну что ж, – молвила Каталина, вставая из-за стола. – Все равно ведь – что пользы от материальных благ? Их же и впрямь не унесешь в могилу. Не так ли?

Ну, разумеется, она не могла не высказать что-то вроде этого. С ранних лет Каталине мало нужны были отцовские подарки. Видеть крестьянских дочек, щеголяющих в ее платьях и играющих в ее игрушки, было всегда для нас обычным делом.

– Ох, оставь, пожалуйста, Каталина, – сказала я. – Не хочу больше ни слова об этом слышать.

²¹ Этот мерзостный край! (*фр.*)

Я попыталась встать, и Лоран поспешил мне помочь. Он сделался внезапно очень бледным. Еще бы! Совсем не это рисовал он себе в перспективе, когда согласился жениться на дочери французского землевладельца. Хотя ему и удалось всех в городе одурачить, заставив думать, будто у него имеется собственное богатство, – но меня-то он не смог провести. Я почти с самого начала знала, что у семейства Лорана нет ничего, кроме престижной фамилии да высокомерия хоть отбавляй.

Мартин, избегая, как всегда, моего взгляда, вытянул из переднего кармана самокрутку. Когда он закуривал, видно было, что его крупные кисти слегка дрожат. Но как только он сделал первую затяжку, дрожь унялась. Осталась лишь хмурая складка между бровями.

– Само собой разумеется, дон Томас, что моя доля наследства отойдет сестрам, – сказал мой брат Альберто, потирая пальцами подбородок.

Я все никак не могла привыкнуть к тому, чтобы видеть своего младшего братишку одетым с такой мрачной серьезностью. Сутана делала Альберто намного старше, однако глаза у него по-прежнему, как в детстве, блестели озорством и любопытством.

– В этом случае, падре Альберто, согласно закону, ваша доля должна быть разделена на трех сестер.

– Но ведь Альберто и знать не знает этой Пурификасьон! – срывающимся голосом возмутилась я. – Это будет несправедливо! Неужто ей и так мало досталось?

– Я лишь излагаю вам пункты закона, сеньора. И, конечно же, у вас есть право оспорить отцовское завещание. – Аквилино закрыл портфель. – А пока что мне следует написать письмо вашей сестре в Испанию, дабы уведомить ее о кончине отца и о его последней воле.

Схватив меня за руку, Лоран еле заметно помотал головой. Он наклонился ко мне ближе, и его теплое, пахнущее вином дыхание защекотало мне ухо.

– Не волнуйся, *ma chère*, – прошептал он. – Мы как-нибудь все уладим.

Глава 7

Пури

Апрель 1920 года

– Вам английское седло или ковбойское? – спросил меня Мартин.

Последовав настойчивому предложению Анхелики, «правая рука» моего отца взялся устроить мне экскурсию по плантации, пока служанка по имени Хулия приготовит для меня комнату. Знай я заранее, что мне придется забираться на лошадь, ни за что бы на это не согласилась!

Неужто считается, что все мужчины должны уметь ездить верхом? Я знала как непреложный факт, что Кристобаль ни разу в жизни не взбирался на этого четвероногого гиганта. Он был горожанином до мозга костей. Однако перед Мартином мне не хотелось выглядеть трусливым цыпленком. Что-то подсказывало мне, что этот тип не уважает слабость.

– Английское, – ответила я, что, судя по всему, было решением неверным, поскольку седло оказалось слишком маленьким, и у него не было впереди рожка, чтобы держаться.

Впервые с момента нашего знакомства Мартин улыбнулся. Впрочем, мне это не показалось дружеским проявлением – скорее своего рода личной победой. Он водрузил на спину лошади черное миниатюрное седло и взялся за кожаную подпругу, чтобы подтянуть ее у скакуна под животом. Он выбрал для меня белую кобылу, которую звали Пача – как богиню инков, объяснил мне Мартин.

Я оцепенело уставилась на ее длинные ноги. Как вообще я собираюсь вскарабкаться на это создание, не порвав брюки пополам?

На спину другого скакуна Мартин между тем пристроил собственное седло, которое оказалось значительно просторнее моего и сделано было из более грубой кожи, сплошь покрытой замысловатыми узорами в виде листьев. Еще на нем торчал на передней луке большой рог. Может, не поздно было передумать?

И все же гордость не позволила мне это сделать. Я влезу на эту лошадь и на ней поеду – пусть даже она меня убьет!

Одним легким движением Мартин вскочил на своего коня. Седло как будто мигом слилось с его телом. Он произвел языком забавные звуки, явно что-то сообщавшие животному. Я не представляла, каким могло быть это послание, однако мерин, судя по всему, его понял, поскольку легонько тряхнул ушами и направился к тропе.

Подражая Мартину, я положила обе ладони на спину Пачи и сунула левый ботинок в стремя. Попыталась приподняться – но кобыла сразу дернулась в сторону. Я почувствовала на себе пристальный взгляд Мартина. Лицо у меня загорелось. Я ухватила левой рукой за густую гриву Пачи, чтобы удержать лошадь на месте, а правую положила на седло. Затем, как следует подтянувшись, перекинула через ее спину ногу.

Ну, наконец-то!

Не выпуская гриву из руки, я потянулась за поводьями, однако не успела их даже коснуться, как лошадь резко осела назад, и я, точно стеклянный шарик, скатилась по ней, грянувшись на землю прямо рядом с навозной кучей.

Гордости моей был нанесен куда более ощутимый удар, нежели спине и ягодицам – что говорит о многом, поскольку у меня мало было слоев материи, чтобы смягчить падение, и боль теперь пульсировала от копчика до верхних позвонков.

– Вы как, в порядке? – спросил Мартин. Судя по голосу, он от души потешался над происходящим. Это разозлило меня еще сильнее.

«Ладно, смейся, коли тебе хочется, Сабатер, но первое, что я сделаю, став полноправной хозяйкой этой асьенды, – вытурю тебя взашей!»

Насколько я уже поняла, не стоило ожидать, что он поможет мне подняться.

Как это все-таки ужасно – быть мужчиной!

Я встала на ноги, пытаюсь отряхнуть себе седалище, но грязь как будто прочно въелась в ткань. Пача оглянулась на меня с демонстративной независимостью. Ну ничего, я покажу сейчас, кто здесь хозяин! Ухватившись за седло, я подскочила снова, на этот раз с куда большей энергией.

– Можем поменяться седлами, если хотите, – предложил Мартин. – Некоторым людям проще ездить на таком.

– Нет. Все в порядке.

– Дон Арманд предпочитал английские седла. Он уверял, что это единственное седло, подобающее для джентльмена. Как он обычно говорил: ковбойские седла – для низшего сословия.

В его тоне я уловила некую затаенную обиду к моему отцу. Однако меня осознание того, что отец делал тот же выбор, что и я сейчас, значительно подбодрило. Клянусь богом, я научусь ездить на лошади не хуже этого человека!

Я кое-как удержала равновесие на спине у кобылы, но как только животное двинулось вперед, храбрости во мне сразу поубавилось. ¡*Madre mía!*²² Земля от меня, казалось, была невысказанно далеко – а мне совсем не хотелось снова упасть. Второй раз я бы уже такого унижения не вынесла. Я обеими руками вцепилась в гриву лошади, крепче обхватив бедрами ее бока.

Когда я подняла глаза, то обнаружила, что Мартин пристально смотрит на меня. Всей его недавней насмешливости как не бывало. Внезапно он сделался пугающе серьезным. И что-то странное было в его напряженном, пронизательном взгляде.

– Что?

Мартин ответил не сразу. Не сводя с меня внимательных глаз, он произнес:

– Для управления используйте поводья. Если хотите направо – потяните правое, если налево – то левое.

Я велела себе успокоиться. Вероятно, его просто удивило то, что мужчина не умеет ездить на лошади.

– Знаю, – отозвалась я. – Я не впервые езжу верхом. Просто давненько не практиковался, да и лошадь меня пока не знает.

Выпрямив спину, я потянула правый повод. На удивление, Пача повернула направо, вслед за меринком Мартина, и неторопливо потрусила по грунтовой дорожке, с обеих сторон окаймленной деревьями с огромными листьями. Казалось, я чувствовала под своими бедрами каждый ее мускул. Крепко зажав в руке поводья, я постаралась переключить внимание на открывающиеся вокруг виды.

После долгого молчания Мартин наконец заговорил:

– Вам повезло, что вы приехали именно в это время года. – Он направил своего коня в сторону от тропы, в гущу буйной растительности. – Мы как раз начали собирать плоды, так что вам удастся пронаблюдать весь процесс.

Лошадиные копыта зашуршали по серым сухим листьям, устилающим землю. На высоко вздымающихся ветках при нашем приближении защебетали колибри, где-то неподалеку прокукарекал петух.

По мере того как мы продвигались в глубь плантации, все отчетливее слышалось журчание ручья. Воздух наполнялся сладковатым ароматом бананов.

– Мы специально сажаем бананы, чтобы лучше росли какао-деревья, – стал объяснять Мартин, указывая на густые заросли с листьями темно-зеленого цвета. – Они притеняют

²² Матушки мои! (букв.: «Мама моя!») (исп.)

посадки какао от прямого палящего солнца и вдобавок защищают от чрезмерных ветров. Той же цели служат и эти вот кедры.

Я подняла взгляд к обильным кронам нескольких разросшихся деревьев, что прикрывали этот участок земли, точно гигантские зонтики.

Вокруг меня, словно украшения на рождественской елке, свисали с V-образных веток желтые, оранжевые и зеленые плоды. Формой и цветом они напоминали папайю, но были помельче и имели более неровную поверхность, как будто эти фрукты постигла тяжелая форма угревой сыпи.

У меня возникло такое чувство, как будто я вхожу в зачарованный сказочный лес. Кристобалу здесь бы точно понравилось! Я все не могла заставить себя не задаваться вопросом о том, каково было бы нам с ним жить в этих краях, растить наших детей в окружении пышных кедров и гуавы, и, само собой, этих удивительных какао-деревьев.

Детей, которых у нас никогда уже не будет.

Несмотря на то что я ни разу здесь не бывала, эту плантацию я ощущала как родной дом, как будто я наконец нашла свое истинное место. Если я когда и подумывала о том, чтобы продать свою долю наследства и уехать, то я сама себя обманывала.

Между густыми листьями и ветками я вскоре различила множество рук, срезающих ножами плоды. Когда мы подъехали к крестьянам ближе, они принялись снимать шляпы и бормотать приветствия Мартину. Работали там где-то с десятков мужчин, все они были в заляпанных белых рубахах и широких соломенных шляпах.

В нескольких шагах от меня темноволосый, с сильной проседью мужчина с круглым выпирающим животом брал в одну руку плод, в другой держа мачете. Быстрыми выверенными движениями он разрезал плод пополам. Внутри показывалась белая, склизкая на вид оболочка, покрывающая плотное скопление зерен. Вид содержимого напоминал мозги, запах же от него тянулся как от забродившего сока. Разрезанные плоды работник передавал другому мужчине – с переросшей бородой и давно не стриженными волосами, стоявшему на коленях перед металлическим ведром. Своей чрезмерной растительностью он был похож на человека, который на долгие месяцы застрял на необитаемом острове. Мужчина этот, насколько получалось, удалял из плода белую перегородку и вытряхивал какао-бобы в ведро.

Как только емкость заполнилась, работник понес ее куда-то по тропе.

– И куда он это несет? – спросила я.

– В сарай. Для ферментации. Туда мы тоже сейчас отправимся.

Я попыталась поехать вслед за Мартином, однако, как оказалось, у Пачи были совсем иные планы. Она рванула через рошу, петляя между стволами и уворачиваясь от низких веток, и когда у меня из рук выскользнули поводья, лошадь успела набрать изрядную скорость.

Изо всех сил вцепившись в гриву, я пинала ее пятками в бока, пытаясь остановить, однако она не воспринимала никаких попыток взять над ней власть. Внезапно по лицу мне ударила ветка и сшибла очки Кристобала на землю. Я поднесла руку к бородке, чтобы не потерять и ее.

– Пача! Стой! – От страха голос у меня сделался высоким и визгливым – хорошо, Мартина не было рядом.

Мне удалось наконец схватить одной рукой поводья, по-прежнему сжимая ногами кобыле бока. В отдалении послышался топот копыт другого скакуна.

Мартин!

Не распознает ли он во мне женщину, увидев меня без очков? И когда же наконец эта чертова лошадь остановится? От рассеченной верхней губы во рту ощущался привкус крови.

Добравшись до ручья, Пача сразу сбавила шаг. Казалось, она даже забыла, что я у нее на спине. Дойдя до кромки воды, кобыла опустила голову так низко, что ее морда скрылась у

меня из виду. *Jesús, María y José!*²³ Ей просто приспичило попить! Но мне сейчас больше всего хотелось спуститься на землю.

Мне удалось-таки соскочить с лошади. Земля под ногами оказалась влажной, и ботинки тут же покрылись грязью. Потирая ноющие бедра, я пошла обратно по следам Пачи, пытаясь найти свои очки.

Они должны были валяться где-то здесь. Я сделала несколько широких шагов, хорошенько вглядываясь в сухие листья. На самом краю зрения что-то внезапно привлекло мое внимание. Какое-то яркое пятно. Я подняла голову. Сквозь заросли кустов я смогла разглядеть некое сооружение. Точнее, фрагмент стены. Раздвинув ветки, я направилась туда, чтоб посмотреть поближе.

Это оказался дом, причем разрушенный пожаром. Некогда он был в два этажа, но второй этаж выгорел почти полностью. Остались стоять лишь куски обугленных стен, почти все окна первого этажа были разбиты. Изнутри стены были черны от копоти.

– Дон Кристобаль! – донесся откуда-то из-за зарослей голос Мартина.

Я не ответила, боясь того, как зазвучит мой голос, если я ему что-то прокричу. Тем не менее я вскоре услышала его приближение. Натянув поводья, Мартин поднялся на стременах.

– Что у вас случилось?

– Пачу понесло на водопой, – махнула я рукой в сторону ручья.

– Ну, там-то ее уже и след простыл, – покачал головой Мартин. – Впрочем, кобылы – существа капризные и непостоянные. Прямо как женщины, – хохотнул он.

Я непроизвольно улыбнулась. Но вроде бы это была нормальная реакция с моей стороны.

– Можете обратно на асьенду доехать на моем Романе, – предложил Мартин.

Я оглядела его серого мерина.

– В этом нет необходимости. Я пройду пешком.

– Да вы не волнуйтесь, я поведу его в поводу.

– Я же сказал, пройду пешком.

Мартин пожал плечами. Затем, сверкнув на солнце линзами, поднял руку с очками Кристобалья:

– Ваши?

– Да. – Я потянулась, чтобы их забрать. – Спасибо. – Я поскорее нацепила очки, пока Мартин не успел попристальнее разглядеть мои черты. – Что тут такое случилось? – указала я подбородком на остов сгоревшего дома.

Мартин вновь пожал плечами:

– Пожар. Примерно год назад случился. Здесь жил бригадир со своей семьей.

– Сами они уцелели?

– Отец не выжил. Мать с сыном спаслись, но у них были ожоги третьей степени, особенно у сына.

Я нервно сглотнула:

– У ребенка?

– К счастью, нет – он совсем уже взрослый. Но у него обгорела половина лица.

²³ Господи Иисусе, Мария и Иосиф! (исп.)

Глава 8

Итак, человек с сильными ожогами. Теперь мне предстояло выяснить, кем он был и кто из отцовских отпрысков нанял его меня убить. Потому что я нисколько не сомневалась, что упомянутый Мартином человек с обожженным наполовину лицом и есть тот мерзавец, что убил Кристобала.

Уединившись в отведенной мне комнате, я достала чек, обнаруженный в том таинственном чемоданчике, и внимательно его рассмотрела. Подпись была неразборчивой, штампель датировался маем. Иными словами, тот человек не мог обналичить чек, пока не разберется со мной. Единственным ключом к этому являлся банк в Винсесе. Кто угодно в этом доме мог выписать чек и дать его сыну бригадира. Вот только кто?

Неожиданный стук в дверь заставил меня вздрогнуть. Мне определенно требовалось хорошенько успокоиться. Одетая я была в мужскую одежду, рассудила я, и моя маскировка делала меня не такой уж беззащитной. В этом доме преимущественно жили женщины – а им следовало еще лишний раз подумать, прежде чем на меня напасть. К тому же мнимый Кристобаль на самом деле и не представлял для них угрозы, поскольку предполагалось, что его доля в наследстве будет крайне мала.

Я сунула чек в ящик прикроватной тумбочки и быстро нашла на столешнице бороду и усы. Глядя в овальное зеркало напротив кровати, я как можно быстрее и точнее прицепила себе накладные аксессуары. Кожа на подбородке уже начала зудеть. От клея на ней высыпало раздражение.

– Простите, что прерываю ваш отдых, дон Кристобаль, – послышался из-за двери голос служанки Хулии. – Но госпожа Анхелика сказала, что у вас произошла неприятность с лошадью и что за вами необходимо поухаживать.

Я невольно простонала. В этом доме, похоже, все исполняют распоряжения Анхелики до последней буквы! Похоже, моей сестре мало просто отправить меня отдохнуть – ей надо еще и приставить ко мне няньку.

Не дожидаясь, пока я приглашу ее войти, служанка легкой и быстрой походкой ступила в мою комнату, неся в руках плетеную корзинку, из которой торчали склянка со спиртом, жестяная коробка и обрезки материи.

– О нет, не надо, я в порядке, – поспешно сказала я, хотя у меня и была глубокая царапина на руке и гигантский синяк на внешней стороне бедра. – Не стоит беспокоиться.

– Никто и не беспокоится. Это моя работа – за вами ухаживать. И где вы поранились?

Я ни за что не стала бы снимать брюки перед этой женщиной, однако решимость в глазах Хулии ясно сказала мне, что она не оставит меня в покое, пока не обработает как минимум одну рану. А потому я закатала рукав до локтя, явив ее взору большую свежую царапину. Кровь на ней уже подсохла, но она все равно еще была ярко-красной и болезненной. Впервые в моей жизни я порадовалась тому, что на руках у меня тонкие, но достаточно заметные волоски.

– Ничего страшного, – сказала я. Хулия не ответила. С сосредоточенным видом она поставила на тумбочку корзинку, достала из нее ватный шарик и смочила спиртом.

Если разглядывать лицо Хулии вблизи, то в нем невозможно было найти что-либо яркое, запоминающееся. Немного далеко посаженные глаза, простой заурядный нос и чересчур тонкие, жидкие брови. Однако в целом эти черты складывались в очень ладное, приятное взгляду лицо. Единственным ее внешним достоинством были, пожалуй, нежные, собранные «бантиком» губы. Женщина была худенькой, без груди, достойной какого-то упоминания, и с маленькими сережками – это было единственным на ней украшением.

– Сейчас будет жечь, – предупредила она и сразу прижала ватку со спиртом к моему локтю. Я вздрогнула от жгучей боли и прикусила губу. Хулия перевязала ранку и тут же, без

предупреждений, прижала другой ватный шарик мне ко лбу. Я аж похолодела. Что, если борода или усы сейчас отвалятся?

Пока она обрабатывала ранку у меня на лице, у меня сделались влажными ладони. Теплое дыхание Хулии щекотало мне нос. От ее волос исходил запах жареного лука и лавандового щелока. Когда она разомкнула губы, я заметила у нее кривые передние зубы, а ее неправильный прикус сразу напомнил мне кролика. Я еще никогда не оказывалась в столь близком расстоянии к другой женщине, за исключением матери, и от такого тесного контакта с Хулией мне сделалось немного не по себе.

А как бы отреагировал мужчина, окажись к нему так близко женщина? Кристобаль, думаю, вперился бы взглядом в мою грудь, но я не могла сейчас заставить себя сделать то же самое. У меня было сильное желание отпихнуть ее подальше, но это сразу вызвало бы подозрения.

После нескольких мучительных мгновений, когда Хулия бинтовала мне лоб, она наконец отстранилась:

– Ну, вот и все.

Я сразу встала на ноги:

– *Gracias*.

– Ужин будет подан примерно через двадцать минут. Я приду за вами и отведу в столовую.

– Не стоит утруждаться. Я и сам способен туда дойти. – Я как-то не привыкла, чтобы при мне были все эти слуги на побегушках. Мы с Кристобалем жили в маленькой квартирке в Севилье, где едва хватало места для нас двоих и наших растений. С готовкой я справлялась сама, а в плане уборки – донья Канделярия, наша хозяйка, присылала к нам раз в неделю горничную, чтобы прибралась и постирала одежду.

Кивая, Хулия собрала использованные ватные шарики и сунула в корзинку.

– Хулия...

Она подняла на меня взгляд.

– А ты давно уже здесь работаешь?

– В декабре будет уже четыре года.

Следовательно, она лично была знакома с моим отцом. А также, возможно, и с тем человеком с ожогами.

– Дон Мартин сегодня показал мне разрушенный пожаром дом. Ты не знаешь, кто там жил?

– Бригадир с плантации и его семья, но я очень смутно их помню. Я мало выхожу из дома.

– А ты не помнишь, как их звали?

– А почему вы спрашиваете?

– Ну, не знаю. Меня глубоко тронуло то, что с ними случилось. Быть может, я мог бы что-то сделать для этих несчастных людей.

– Они уехали после пожара.

Она торопливо собрала все в корзинку. Пока она не ушла, мне требовалось выведать у нее побольше информации. Например, о том, кто еще живет со мной под одной крышей.

– И еще кое-что, Хулия. Донья Каталина замужем?

– Нет.

– Но она такая красавица. Должно быть, у нее много воздыхателей.

– Если таковые и есть, то я никогда их не встречала. – Умолкнув, она изучающе поглядела на меня, словно оценивая, можно ли мне доверять. – Вам лучше держаться от нее подальше. Госпожу Каталину все в округе считают святой.

Я непроизвольно улыбнулась, но, судя по тому, как нахмурилась Хулия, стало ясно, что она вовсе не шутит. Даже не знаю, что меня больше позабавило: тот факт, что она заподозрила у меня романтический интерес к моей сестре, или слова служанки о святости Каталины.

– Святой? А почему?

– В детстве она видела Святую Деву.

Трудно было сказать, восхищение сквозило в ее тоне или усмешка.

– И где же Каталина ее видела? – спросила я, не дав слететь с языка слову «якобы».

– Святая Дева явилась прямо у нее в спальне. И оставила послание для всех горожан.

– А в чем состояло послание?

Хулия закончила складывать корзинку.

– Вам лучше спросить об этом у нее самой.

Ни слова больше не говоря, она вышла из комнаты. О явлениях Девы я только читала в книжках да слышала в легендах, но никогда не встречала ничего подобного в реальной жизни. Интересно, а что отец думал о святости своей младшей дочери? Верил, что это правда, как Хулия? Или же относился скептически, как я?

Глава 9

Каталина

Тремя месяцами ранее

Анхелика со мной два дня не разговаривала. Хотя как раз в этом не было ничего необычного. На нее находили порой ужасные приступы гнева и раздражительности – прямо как у нашего отца, хотя она ни за что бы это не признала. Впрочем, на сей раз я никак не могла ее винить. Она получила страшнейший удар по своему самолюбию, узнав, что отец завещал большую часть своего имущества сестре, которую мы ни разу даже не видели.

Но вот чего я точно никак не ожидала – что она вдруг с чарующей улыбкой сунет голову в дверь моей спальни. Анхелика не заходила в мою комнату еще с тех пор, когда мы были девочками. Да и то в те годы именно я обычно ходила за ней по дому по пятам.

– Ты чего? – спросила я, от неожиданности забыв о хороших манерах.

Анхелика открыла дверь пошире и зашла внутрь с Рамоной на плече. Я подивилась, что следом не появился и Лоран, неизменно следовавший за нею тенью. Казалось, его призвание в этом мире было угождать моей сестре во всех ее мелких прихотях.

– А что такого? Я разве не могу зайти к тебе просто поздороваться? – Анхелика скользнула к кровати и присела возле меня. – Что читаешь?

Я быстро перевернула книгу «Фортуна и Хасинта»²⁴, чтобы сестра не успела увидеть обложку. Бенито Перес Гальдос был в списке запрещенных Ватиканом авторов, однако я от его романа была без ума. Я несколько лет ждала, когда смогу заполучить эту книгу. Какая там закрученная история жизни!

– Могу я тебе чем-либо помочь, *hermana*?²⁵ – спросила я.

– По правде сказать, да. – Она провела нежными пальчиками по краю корешка книги – признаться, самой моей любимой. Впрочем, Анхелика об этом и понятия не имела. Она совершенно ничего обо мне не знала, хотя мы и обитали с ней всю жизнь под одной крышей.

– Ну что, как тебе завещание нашего папы?

Я лишь пожала плечами. У меня никогда и не было каких-то ожиданий по поводу наследства. Видимо, потому меня особо и не удивили подробности последней воли отца.

– Я знаю, ты человек не амбициозный и тебя больше интересуют... дела духовные. Но ты не находишь, что в отношении нас совершена большая несправедливость?

– В мире вообще справедливости мало. Вспомни, что произошло с Господом нашим Иисусом Христом.

– Согласна. – С женственной грацией Анхелика протянула ко мне руку и ладонью накрыла мою ладонь. – Но вот о чем я тревожусь, Каталина. Что будет с тобой, если меня не станет? Ты ж понимаешь, что я как старшая, скорее всего, умру раньше тебя. Как ты собираешься жить без защиты мужа? Мы обе с тобой знаем, что наш братец мало чем тебе поможет. К тому же неизвестно, надолго ли еще он останется в здешнем приходе. В любой момент его могут куда-либо отправить.

Мне ничего и слышать не хотелось о мужьях. Эта тема для меня была и неловкой, и болезненной. Я, наверное, была единственной девушкой во всем нашем *París Chiquito*, что до сих пор не вышла замуж.

– Но ведь так быть не должно, – продолжала увещевать Анхелика.

²⁴ Книга была написана и опубликована в 1887 году, став одним из самых популярных романов испанского реализма. Из-за безжалостной критики политических и религиозных верхов общества, а также откровенной эротичности своих произведений Бенито П. Гальдос был запрещен Ватиканом.

²⁵ *Здесь: сестрица (исп.).*

Мое терпение уже начало иссякать, однако я ни за что бы не смогла нагрубить Анхелике. Это был своего рода пережиток детских лет – стремление извечно добиваться ее одобрения и похвалы. В детстве мне казалось пределом мечтаний то, чтобы моя любимая старшая сестра пришла ко мне в комнату и одарила меня своим вниманием. Она всегда была настолько осведомлена во всех вопросах, настолько была уверенной в себе и таким успехом пользовалась в Винсесе! Когда ей было семнадцать, не проходило и дня, чтобы у нее не появился очередной воздыхатель или, по крайней мере, новый подарок. И это едва не доводило меня до бешенства.

– И мне кажется, я придумала решение, – сказала она.

– Ты о чем сейчас?

– *Hermana*, как ты не понимаешь! Разделив долю наследства Пурификасьон, мы сможем выделить тебе вполне весомое приданое. Ты могла бы наконец выйти замуж!

– В моем-то возрасте?

«Кто захочет жениться на двадцатитрехлетней старой деве!»

Анхелика испустила смешок, сразу напомнивший мне о наших детских годах, когда она частенько обыгрывала меня в карты.

– Каталина, милая, ты сейчас в самом расцвете красоты! Ты никогда еще не была такой прекрасной! Единственная причина, почему мужчины не рискуют к тебе подходить, – это потому, что они не хотят оказаться проклятыми навеки. Мужчине, поди, очень страшно подбивать клинья к такой женщине, которую наша Божья Матерь выбрала себе в посланницы.

«О небо! Как же я устала все время слышать про свою чистоту и святость!»

– Но как может приданое повлиять на тот факт, что мужчины, как ты говоришь, меня страшатся?

Анхелика встала.

– Ну, это просто станет побуждать их к тому, чтобы тебя добиваться. Они поймут, что ты заинтересована в создании семьи, что хочешь иметь собственный дом. А пока что все в городе считают, будто ты полностью удовлетворена тем, что целыми днями молишься и общаешься со Святой Девой. Люди не знают, что в тебе есть иная сторона, которая жаждет быть любимой и иметь детей. – Она легонько пожала мне плечо. – Не допускай, чтобы твоя жизнь сводилась только к молитвам и уединению. Тебя могло бы ждать намного большее, Каталина. Ты *заслуживаешь* намного большего.

Трудно объяснить, какой эффект произвели на меня слова сестры. Я понимала, что Анхелика хитра и пронырлива, как кошка, – всю жизнь это знала! – но никак не могла ей противиться. Я была лишь очередной пешкой в длинном списке людей, которые не способны были отказать Анхелике ни в одном из ее желаний.

Глава 10

Пури

Апрель 1920 года

Каждый мой шаг по лестнице сопровождался поскрипыванием кедровых половиц. Ориентируясь на голоса, что доносились от одной из комнат, я открыла дверь. Все семейство сидело вокруг овального стола. На стене напротив висела прекрасная итальянская шпалера. Среди собравшихся был также и Мартин. Еще один новый для меня человек (быть может, мой брат?) сидел на одном из концов стола. Здесь был даже белый какаду, выбравший себе местечко на спинке стула позади Анхелики.

– Дон Кристобаль, я так рада, что вы смогли к нам присоединиться, – сказала Анхелика с противоположного конца стола. Она переделалась в черное с блестками платье и в такую же шляпку с длинным пером, которое особенно привлекало внимание птицы.

– Добрый вечер, – поздоровалась я со всеми. У меня уже лучше получалось понижать тембр голоса, не откашливаясь при этом каждые две минуты.

Вечер был теплым, и комаров приходилось постоянно отгонять от подноса с крабовыми ножками и вареными креветками. Сестры неумоимо шевелили запястьями, помахивая веерами. Я уже сейчас могла точно сказать, что не смогу уснуть при такой жаре. Воздух был таким душным и плотным, что его, казалось, можно было потрогать пальцами, и рубашка Кристобаля почти сразу прилипла у меня к спине. Хорошо хоть, я так коротко обрезала волосы!

– Дон Кристобаль, – молвила Анхелика, – это мой брат, падре Альберто.

– Приятно познакомиться, – произнес тот, опуская на стол стакан с водой.

Я в ответ кивнула. Он внимательно уставился на меня. Даже слишком, пожалуй, внимательно. Это был худощавый молодой мужчина с длинными, прямо как у меня, руками и глубоко посаженными карими глазами. От него исходила такая аура непринужденности и покоя, сильно контрастировавшая с постоянной неугомонностью Анхелики.

Я заняла свободное место напротив Каталины и Мартина. Слева от меня сидел муж Анхелики Лоран, справа – священник. Лоран налил для меня стакан вина. У меня было такое чувство, будто я прервала их разговор, и воцарившееся теперь в комнате молчание действовало мне на нервы. Я непроизвольно коснулась пальцами низа лица, убеждаясь, что бородака по-прежнему на месте.

Мартин тоже на меня глядел изучающе (он что, тоже здесь живет?). Я поймала себя на мысли, что его присутствие – и осознание того, что у него при себе пистолет, – меня пугает. Единственным человеком, от которого, казалось, не исходило никакой угрозы, была Каталина, что глядела на меня с доброй и тихой улыбкой, промакивая салфеткой рот.

Может, мне все же стоило остановиться в Винсесе? Или, быть может, следовало нанять кого-нибудь, способного меня защитить, когда я нагрюну на асьенду, требуя свою часть наследства? Вот только где в этом далеком краю я могу кого-нибудь найти? Уж точно не по объявлению в газете!

– *Quiere cacao*²⁶, *quiere cacao*, – громко высказался попугай.

В первую минуту я даже не смогла разобрать, что эта птица говорит.

– На, Рамона, только не шуми, моя радость, у нас гости. – Из маленькой розетки, что стояла возле ее тарелки, Анхелика взяла нечто похожее на темную фасоль и угостила попугаиху.

– *Quiere cacao, quiere cacao.*

«Что? Она *хочет* какао?!»

²⁶ Хочет какао (*исп.*).

Ну да, именно это и повторяла какаду. То есть... Анхелика скармливала ей какао-бобы?! В Испании их так трудно было найти, и они стоили таких баснословных денег – а эта женщина тратила их на какую-то птицу!

– Анхелика, в самом деле, неужто Рамону так необходимо брать с собой и на обед? – возмутилась Каталина.

Анхелика нахмурилась.

– Твоего мнения не спросили, – огрызнулась она.

– Давайте-ка, *hermanas*, полюбезнее. Здесь же наш зять, – подал голос священник.

«Зять? Ах да. Это же я».

– Дон Кристобаль, – обратился ко мне Альберто, – мне не терпится побольше узнать о вашей стране. Мне всегда так хотелось побывать в Испании. Там все, должно быть, по-другому.

– Это верно, – ответила я. – В Андалусии воздух намного суше.

– А это правда, что там повсюду города-крепости?

– Есть и такие.

– И ветряные мельницы, как в «Дон Кихоте»?

– Да, а еще – бесконечные ряды оливковых деревьев.

– Восхитительно! – в восторге сказал Альберто.

– Если только любишь оливки, – вставила, поморщившись, Каталина.

– Отец их, помнится, очень любил, – каким-то отсутствующим голосом произнесла Анхелика. – И всегда поддразнивал Каталину: хорошо, мол, что она их не любит, потому что они слишком дорогие и их трудно доставлять в эту часть света. Обычно нам их привозили из Перу.

Я ничего на это не сказала. Не то чтобы мне не хотелось слушать рассказы о своем отце – но воспоминания об этих милых мгновениях чужого семейного уюта меня задевали. Они слишком напоминали мне обо всем, чего лишилась я.

Я оторвала от одной из ножек крабовое мясо. Еще одно преимущество быть мужчиной – никто не посмотрит на тебя косо, если ты станешь есть руками. Мои сестры, с другой стороны, вынуждены были использовать ножи и вилки, чтобы отделить хоть сколько-то мяса от панциря.

Мартин, между тем, заговорил о предстоящих в городе праздничных гуляниях.

– Вам непременно надо остаться, дон Кристобаль, – сказала Каталина. – На этой неделе в городе будет много чего интересного.

– А что будет праздноваться? – спросила я.

– День основания Винсеса, – ответил Мартин.

Сказать по правде, я была не в настроении участвовать в каких-либо гуляниях, но вот мой муж наверняка бы с удовольствием присоединился к этой народной традиции. К тому же это могло мне выиграть какое-то время.

– Что ж, это вполне может послужить источником вдохновения для моей книги, – ответила я.

– Не слишком обольщайтесь, – вставил Лоран. – Если хотите знать мое мнение – там все очень допотопно.

– Допотопно или нет, – возразил Мартин, – но это хорошая возможность пообщаться с иностранными покупателями.

– Согласен, – сказала я, не в силах сдержать свое мнение. Это ведь в скором времени должно было стать и моим бизнесом.

Мартин внимательно поглядел на меня.

– А знаешь, что могло бы добавить престижности этому городскому празднику? – обратился Лоран к своей жене. – Какая-нибудь регата.

– Регата? – переспросил Мартин. – Как это может быть связано с продажей какао-бобов?

– Не вы ли говорили, что хотите привлечь иностранных покупателей? В Европе регаты сейчас в моде.

– Кто сказал, что мы хотим уподобляться европейцам?

– Мартин, пожалуйста... – сказала Анхелика, потом пожала мужу руку: – Мне кажется, это замечательная идея, *mon amour*.

– Регата... – задумчиво произнес мой брат. – Мне эта мысль нравится. Возможно, нашей церкви следовало бы тоже завести собственную команду. Физические упражнения принесли бы много пользы наиболее весомым ее представителям, – подмигнул он мне, похлопывая свой плоский живот. – А отец Тельмо мог бы стать капитаном.

– Альберто! – осекла его Каталина. – Ты сейчас ведешь совсем не христианские речи.

– Расслабься, *hermanita*²⁷. Святая Дева тоже ценит шутки.

– *Quiere cacao, quiere cacao!*

– Хулия! – громко позвала Анхелика. – Еще какао для Рамоны, пожалуйста!

В столовую вошла Хулия, неся для всех маленькие чашечки с кофе.

– Больше какао не осталось, – ответила она.

– Вот еще вздор! – поднялась из-за стола Анхелика. – Мы ведь живем на плантации.

Разумеется, где-то еще должно быть какао.

И сестра стремительно удалилась через дверь, ведущую на кухню.

– *Quiere cacao, quiere cacao!* – понеслось ей вслед.

Метнувшись к птице, Альберто накрыл ей голову длинной тканевой салфеткой:

– Ну вот. Поспи пока, Рамона.

Попугайха, тихонько посвистывая, стала переминаясь на спинке стула, подбирая лапками.

Когда Хулия поставила передо мною чашку с кофе, я с тоской вспомнила про мой любимый горячий шоколад. Я не пила его с тех пор, как покинула свою страну.

– Если Анхелике удастся найти какао-бобы, – сказала я, – то я мог бы приготовить для всех горячий напиток.

Присутствующие переглянулись. Что, я брякнула что-то не то? Ну да, конечно же! Здесь мужчины никогда и ничего не готовят для других (если только речь не идет об алкоголе). Они едва способны нарезать еду у себя в тарелке. Как же я сглупила! Я выдала себя с головой этим своим врожденным желанием услужить.

– Горячий напиток из какао? – произнесла Каталина. – Это как?

– Горячий шоколад, – стала объяснять я. – Тертое какао смешивается с молоком, сахаром и корицей. Заваривается и подается в горячем виде.

– Вы, верно, полагаете, что, имея вокруг столько какао, мы, разумеется, пробовали все эти вкусы, – сказала Каталина. – Но мы лишь экспортеры какао и никогда не видим все то, что получается из этих зерен дальше.

Я не верила своим ушам! Они ни разу не пробовали шоколад?!

– Я пробовал, – вставил Лоран. – Моя страна, можно сказать, изобрела шоколад.

– На самом деле, – возразила я, – как раз испанец привез с американского континента в Европу шоколад. И именно мы, испанцы, первыми стали добавлять к какао молоко и сахар.

– Дон Кристобаль прав, – произнес Мартин. Ну, естественно! Он готов был сказать что угодно, лишь бы наперекор Лорану.

Тут Рамона издала громкий пронзительный крик и стала неистово качать вверх-вниз головой.

– Рамона! Что это с тобой? – вернулась Анхелика с маленькой горсткой зерен в руке. Она тут же сняла с головы птицы салфетку. Рамона сразу вся распушилась, показав под крыльшками желтый пух, и разразилась целой тирадой неразборчивых ругательств. – Несмешно, Альберто. И, если честно, я даже не представляю, как люди могут тебе поверять свои грехи!

²⁷ Сестренка (*исп.*).

– Ну, поверяют же. Притом с немалым удовольствием, – усмехнулся брат. – Да и тебе на самом деле не помешало бы исповедаться.

– Вот уж спасибо. – Анхелика заняла свое прежнее место и успокоила птицу, угостив ее зернами. – Меня полностью устраивает преподобный отец Тельмо.

– Это потому, что он от твоих речей засыпает.

– Альберто! – снова одернула его Каталина. – Хватит уже богохульствовать. Пожалуйста! Что подумает о нас дон Кристобаль? Что мы глумимся над верой?

Я же, если честно, не знала, что и думать. Я заставила себя допить свой кофе – он таким был горьким в сравнении с моим любимым шоколадом!

После ужина сестры принялись играть на музыкальных инструментах. Вместе они составляли потрясающий дуэт: Анхелика с арфой и Каталина со скрипкой. Сразу было видно, что у них настоящее музыкальное образование. Если б отец привез меня сюда много лет назад, я, возможно, тоже имела бы собственного наставника и тоже могла бы стать таким умелым исполнителем. Я всегда очень любила музыку!

Тем не менее я сдерживалась, чтобы не покачиваться в такт и не напевать, хотя меня и глубоко расшевелили эти чудесные звуки, исходившие от ловких пальчиков моих сестер. Мне бы так хотелось сопровождать их игру пением – но это явственно грозило катастрофой. Не в состоянии изобразить тенор или баритон, я бы точно сразу себя выдала. К тому же меня сдерживал и еще один неприятный фактор: с тех пор, как Кристобаль и ла Кордобеза взяли в привычку затыкать уши ватными шариками всякий раз, как только я принималась петь, я утратила уверенность в собственном голосе. Какая это была наглость со стороны той парочки! Я понимала, что я не ла Карамба²⁸ и не какая-нибудь знаменитая певица *zarzuela*²⁹, однако мне приятно было считать, что у меня есть к пению некий врожденный талант и чутье. И я часто пела – особенно когда у себя в кафе ворошила на жаровне какао-бобы.

Я вздохнула. Как же я тосковала порой по своей прошлой жизни! Однако все это теперь уплыло навсегда.

– Дон Кристобаль? – внезапно ворвался в мои размышления голос Мартина.

Сестры уже закончили исполнять музыку и теперь выжидающе глядели на меня.

– Да? – отозвалась я.

– Я спросил, не желаете ли вы составить нам с Альберто компанию, отправиться в город и пропустить по стаканчику-другому?

«Пропустить по стаканчику со священником?» Первым моим побуждением было отказаться. Мне не хотелось где-то болтаться допоздна, к тому же меня не особенно привлекало общество Мартина – и все же я вовремя себя остановила. Возможно, это будет хорошая возможность вытянуть какую-либо информацию из этих двух мужчин. Более того, если мне представится возможность провести эту ночь где-то в городе, то утром я первым делом могу навеститься с чеком в банк и выяснить, кто именно его подписал. Иначе мне придется потом искать попутную машину в Винсес или же взбираться снова на какую-нибудь ужасную лошадь и ехать на ней в банк самостоятельно. Последний вариант мои ноющие ягодицы несколько не приветствовали.

– Да, разумеется, – ответила я.

И пока мой брат прощался с сестрами, я поспешила наверх в свою комнату и забрала чек.

²⁸ Ла Карамба (1751–1787) – знаменитая испанская исполнительница фламенко, певица и танцовщица испанского музыкально-сатирического жанра тонадилля.

²⁹ Сарсуэла – испанский музыкально-драматический жанр, близкий к оперетте.

Глава 11

Совершенно очевидно, я мало что знала о мужчинах и их привычках, поскольку никогда в жизни не слышала, чтобы священники ходили по кабакам. Или, быть может, это мой братец так сильно отличался от других людей божьих. Однако в этот вечер мне представлялась редкостная возможность проникнуть в мужской разум без каких-либо препон. К моему удивлению, мне все больше хотелось лучше познакомиться с этим загадочным для меня миром мужчин.

Вслед за Мартином и Альберто я вошла в тускло освещенный зал, и низкий раскати-стый смех, сопровождаемый звяканьем бутылок и стаканов, сразу сделался громче. Мы прошли мимо длинной барной стойки с высокими табуретами и суетящимися за ней двумя бар-менами в белых отутюженных фартуках.

Устроились мы за одним из столиков в самой глубине заведения. Когда мы пропустили по первому *aguardiente*³⁰, я начала изучающе присматриваться к своим спутникам. Между ними царил явственный дух товарищества, который дома оставался незаметным, – причем такой, какого я никогда не наблюдала между дамами. Общась в жизни с разными женщинами – с матерью, с подругами, с помощницей по «шоколаднице», – я всегда вынуждена была тщательно выбирать слова, чтобы не задеть каким-то образом их чувства. Однако между этими двумя приятелями царила исключительная простота общения. Мартин объяснил мне, что они знают друг друга, можно сказать, всю жизнь, несмотря на то что Альберто на три года его моложе.

– Как ни пытался я спасти этого парня от жизни в celibate, но он меня не послушал, – посетовал Мартин, закатывая до локтя рукава. – А теперь вот расплачивается – запястье небось вечерами ноет.

Я не сразу уловила смысл сказанного, но когда намек до меня дошел, то испустила одоб-рительный смешок. Не сказала бы, чтобы подобный юмор был по мне, но им обоим, похоже, моя реакция понравилась.

Мартин взъерошил пальцами волосы, от души смеясь, Альберто между тем уставился на него с веселой улыбкой. Наполнив стопку себе, Мартин попытался и мне добавить *puro*

³⁰ *Агуардъенте* (исп.: «огненная вода») – в Испании, Португалии и некоторых испаноязычных странах общее название для алкоголя крепостью от 29 до 60 градусов (как правило, без выдержки в бочках).

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.